ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
события, оценки, прогнозы

ISSN 2587-7518

Выпуск 62(78)
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПАРАД САММИТОВ «КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА» НА ФОНЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ДЖ. БАЙДЕНА
Татьяна Арзаманова

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ САММИТ В ЖЕНЕВЕ: «ЗАРНИЦЫ СЧАСТЬЯ» В МИРЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ
Анастасия Понамарева

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ РАЗВЕДСООБЩЕСТВА США К ОЦЕНКАМ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ
Сергей Понамарев

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК В САХЕЛЕ: ОТ ВСТРЕЧИ В ПО ДО ВСТРЕЧИ В НДЖАМЕНЕ
Александр Сидоров

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ПАРАД САММИТОВ «КОЛЛЕКТИВНОГО ЗАПАДА» НА ФОНЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ДЖ. БАЙДЕНА

Татьяна Арзаманова,
ведущий редактор, Отдел проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН

Аннотация. В статье анализируется череда прошедших весной-летом 2021 г. саммитов «коллективного Запада», ставших отражением унификации подхода союзников к России и Китаю, рассматриваемых в качестве автократической угрозы для западной демократии и системы ценностей. Предложенная Западом формула взаимоотношений с РФ и КНР звучит как стратегическое сдерживание плюс сохранение диалога по определенному кругу вопросов. Формат контактов при этом предполагается разный: речь идет, образно говоря, о диалоговом окне для Пекина и форточке для Москвы. Автор приходит к выводу, что формирование единой позиции «коллективного Запада» было детерминировано новой внешнеполитической доктриной администрации Дж. Байдена, которая представляет собой переход от попыток силовой трансформации существующего миропорядка путем мультипликации демократий к точечному присутствию, обусловленному национальными интересами США и предложенной ими в качестве регулятора международных отношений защиты либеральных ценностей «коллективного Запада» от автократий. Подробно анализируются причины формирования новой внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов, а также первые шаги, предпринятые в рамках последней: вывод американских войск из Афганистана и создание блока AUKUS.

Ключевые слова: саммиты «коллективного Запада»; мировой порядок; США; РФ; ЕС; сдерживание Китая; стратегическая стабильность; НАТО; Афганистан; Индо-Тихоокеанский регион; AUKUS; Германия; Франция; вызовы безопасности; внешнеполитическая доктрина Дж. Байдена.

Keywords: Western democracies summits; world order; USA; Russia; European Union; containment of China; strategic stability; NATO; Afghanistan; Indo-Pacific; AUKUS; Germany; France; security challenges; world security; J. Biden's foreign policy doctrine.

Геополитический контекст: новая спираль конфронтации

16 июня 2021 г. президенты России и США обменялись на берегах Женевского озера рукопожатием, которое мировые СМИ тут же окрестили историческим. В предшествовавшие саммиту месяцы противостояние между Москвой и Вашингтоном, как и Западом в целом, столь стремительно закручивалось в спираль конфронтации, что от встречи Владимира Путина и Джозефа Байдена уже не ждали прорыва. Надежды возлагались если не на снижение уровня эскалации, хотя бы на ее некоторое упорядочивание, а также возобновление между РФ и США диалога по определенному кругу вопросов. В первую очередь речь шла о вопросах выработки основ новой стратегической стабильности, климатической повестке дня, противодействии пандемии COVID-19, борьбе с международным терроризмом и т.д. Собственно говоря, успехом можно считать уже то, что эти переговоры вообще смогли состояться в ситуации, когда отношения сторон достигли своей низшей точки. Пресс-секретарь Президента РФ Д. Песков накануне встречи в верхах обратил внимание на то, что даже в период советской истории стороны «никогда не доходили до такого дефицита контактов, дефицита диалога. А сейчас этот дефицит имеет место на фоне растущего конфликтного потенциала в мире»[1]. Действительно, весной 2021 г. мир, еще не очнувшийся от морока пандемии COVID-19, с изумлением наблюдал беспрецедентный за последние годы рост эскалации в отношениях России с Соединенными Штатами и Евросоюзом.

События развивались по обвальному сценарию: внезапная концентрация российских войск вдоль границы с Украиной, которую Министерство обороны РФ объяснило «контрольными проверками»; последовавшее в ответ заявление Пентагона об отправке двух кораблей ВМС США в акваторию Черного моря (впоследствии, впрочем, отозванное); анонсированное Вашингтоном введение новых антироссийских санкций, сопровождавшее заявление президента Дж. Байдена о растущей российской угрозе; требования Германии и Франции немедленно отвести российские войска от украинской границы; многочисленные обвинения в адрес Москвы в причастности к проведению «кампании дезинформации» в странах Запада. Немалый вклад в копилку эскалации внес и беспрецедентный парад персон нон грата, начавшийся вслед за дипломатическим кризисом в отношениях РФ и США и обвинениями Праги в причастности Москвы к взрыву на складе боеприпасов в чешской Врбетице в 2014 г. В итоге он обернулся взаимной высылкой нескольких

[1] Цит. по: Песков заявил, что дефицит контактов РФ и США сейчас больше, чем во времена СССР // https://news. rambler.ru/conflicts/46631908-peskov-zayavil-chto-defitsit-kontaktov-rf-i-ssha-seychas- bolshe-chem-vo-vremena-sssr/ (date of access: 16.06.2021).

сотен российских и западных дипломатов и административно-технических сотрудников. Далее последовало утверждение российским правительством 13 мая 2021 г. перечня иностранных государств, «совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации», который глава Европейского совета Шарль Мишель расценил как «очередной шаг России в направлении эскалации», «подрывающий дипломатические отношения»[1].

Этот список можно продолжать еще долго. Особого упоминания заслуживает выступление главы европейской дипломатии Жозепа Борреля на прошедшем 28 апреля 2021 г. заседании Европарламента, посвященном России, которое может служить прекрасной иллюстрацией для понимания глубины пропасти, разверзшейся между Москвой и европейскими столицами. Высокопоставленный дипломат тогда заявил, что, по его мнению, Москва окончательно «вступила на путь усиления конфронтации с Западом», поскольку российские власти, по словам Борреля, рассматривают такой подход как «самый верный путь для того, чтобы укрепить собственную легитимность»[2]. При этом он подчеркнул, что непреложным условием для улучшения отношений по линии РФ-ЕС является «полное соблюдение» Россией европейских «принципов, ценностей и интересов».

Между тем стоит отметить, что подобные установки в отношении РФ на уровне руководства Евросоюза до сих пор сохраняют свое определяющее значение для взаимодействия между Москвой и Брюсселем. Поскольку, с точки зрения России, такая постановка вопроса Западом заведомо исключает саму возможность компромиссного подхода как такового: она по определению несовместима со статусом члена так называемого ядерного клуба и постоянного члена Совета безопасности ООН. Для Москвы оба эти пункта продолжают сохранять свое определяющее значение: статус крупного геополитического игрока, обладающего паритетным с Соединенными Штатами ядерным потенциалом, – это именно тот рубеж, на сдачу которого она никогда не пойдет. Самая жирная красная линия из всех существующих.

Таким образом, победителем этого весеннего раунда противостояния по линии РФ-Запад есть все основания считать все-таки российскую сторону, которая в итоге получила то, что хотела: ***Кремль пытается вернуться в рамки того стратегического диалога с Соединенными Штатами, который долгое время являлся несущей конструкцией международных отношений.*** При этом использовалась бинарная стратегия: если дипломатическая активность шла по сценарию эскалации, то администрация Президента РФ в свою очередь демонстрировала достаточно сдержанный подход. Этот маневр оставлял окно возможностей для установления диалога на высшем уровне между Москвой и Вашингтоном. Показательны в этом отношении и действия администрации Белого дома, который в ходе обострения противостояния с Москвой каждый свой выпад в сторону России – будь то введение новой порции санкций или принятие решения о направлении в район Черного моря кораблей ВМФ США, – тут же либо отыгрывал назад либо в очередной раз анонсировал свою готовность к проведению двусторонней российско-американской встречи на высшем уровне. В преддверии запланированной встречи президентов В. Путина и Дж. Байдена в Вашингтоне, видимо, таким образом пытались немного сбить градус напряженности между сторонами, создав тем самым если не благоприятный, то хотя бы нейтральный фон для предстоящих переговоров.

Парад саммитов «коллективного Запада»

Переговорам президентов В. Путина и Дж. Байдена в Женеве (16 июня 2021 г.) предшествовал парад саммитов Большой семерки, НАТО, ЕС-США, которые в целом вполне можно рассматривать как некий аналог «саммита коллективного Запада». Главной задачей последнего являлась сверка часов и формирование унифицированной позиции по Китаю и России. Участники проходившего в английском Корнуолле 11–13 июня 2021 г. **саммита «Большой семерки»** – лидеры Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии, а также приглашенные представители Австралии, Индии, Южной Кореи, ЮАР и руководство Евросоюза – включили в повестку форума и тему выработки общей стратегии Запада в отношении Китая и России, чье стратегическое сближение так беспокоит США и Европу в последнее время. Участники саммита подтвердили свою готовность противостоять действиям Москвы в случае необходимости. «Мы вновь призываем Россию прекратить дестабилизирующее поведение и злонамеренные действия, в том числе вмешательство в демократические системы других стран», – цитирует финальный документ агентство «Блумберг»[3]. В итоговом коммюнике саммита лидеры «Большой семерки» призвали Москву действовать в соответствии со своими международными обязательствами. «Мы твердо убеждены, что Россия является стороной конфликта на востоке Украины, а не посредником. Мы подтверждаем нашу поддержку “нормандского процесса” по обеспечению выполнения Минских соглашений и призываем Россию и поддерживаемые ею вооруженные формирования к конструктивному взаимодействию и подтверждению приверженности перемирию», – говорится в документе.

Наряду с критикой в адрес РФ в итоговом коммюнике саммита страны-участницы подтвердили и свою заинтересованность в «стабильных отношениях и сотрудничестве» с Россией. По крайней мере формальную.

Участники саммита призвали Китай уважать права человека и основные свободы, гарантировав среди

[1] North Atlantic Council Statement following the announcement by the United States of actions with regard to Russia. Issued on 15 April 2021 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_183168.htm (date of access: 15.04.2021).

[2] Ibid.

[3] https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-06-13/leaders-zero-in-on-climate-change-in-summit-talks-g-7-update?srnd=premium-europe (date of access: 13.06.2021).

прочих автономию и права жителей Гонконга, а также анонсировали свою готовность совместно противодействовать растущему влиянию Пекина.

Не обошлось и без кулуарных скандалов на полях саммита. Так, резкой критикой в адрес Вашингтона разразился министр иностранных дел Польши Збигнев Рау. Глава польской дипломатии был возмущен избирательным партнерством Вашингтона в Европе, сконцентрировавшего свою дипломатическую активность на Германии. «Байден приравнивает Европу к Германии», – возмущенно подчеркнул Рау в интервью польской газете «Речь Посполита»[1]. При этом глава МИД Польши уверен, что в связи со «спорным» российско-германским газопроводом «Северный поток – 2» Германия «пожертвовала ценностями и интересами безопасности свободного мира ради сотрудничества с Россией»[2]. Гнев высокопоставленного польского дипломата вызвало то обстоятельство, что решение отказаться от санкций в отношении компании – оператора «Северного потока – 2» Nord Stream AG (в целях сохранения отношений с Берлином) принималось администрацией Байдена в мае 2021 г. без проведения консультаций с «регионом, который больше всего пострадал от последствий этого решения»[3]. Возмутил польские власти и тот факт, что о принятом Белым домом решении в Варшаве узнали не от союзников, а из СМИ. Недовольны в Варшаве остались и тем, что «приезжающая в Европу американская делегация с президентом Байденом во главе настолько увлечена его встречей с Владимиром Путиным, что не нашла времени для встречи с союзниками с восточного фланга НАТО»[4], – подчеркнул Рау. Он также отметил, что пока речь идет не о «продуманной политике» новой американской администрации, а о «каскаде ошибок», которых можно было бы избежать, «если бы к консультациям с союзниками относились серьезно»[5]. Глава МИД Польши выразил свою уверенность в том, что такая форма американо-российско-германского диалога «не сможет заменить переговоры между США и восточноевропейскими союзниками Америки»[6].

Столь негативная реакция польской стороны во многом определяется тем обстоятельством, что у президента Польши А. Дуды в свое время сложились хорошие рабочие отношения с предшественником Байдена на посту президента Д. Трампом. Речь тогда даже шла о передислокации на территорию Польши части американского воинского контингента, размещенного в Германии, поэтому нынешнее возвращение Вашингтона к формату «Германия – ближайший союзник США в Европе» вызывает у Варшавы искреннее возмущение. Польское руководство уже открыто говорит о том, что Берлин – это далеко не вся Европа, часть которой считает стремление канцлера Меркель сохранить диалог с Россией стратегической ошибкой и уступкой давлению Москвы.

В итоговом коммюнике **саммита НАТО** (14 июня 2021 г.) первое место в списке актуальных угроз занимает как раз «поведение России». Согласно тексту документа, та «продолжает нарушать ценности и принципы НАТО, международное право, а также свои международные обязательства»[7]. Поэтому альянс оставляет за собой право отказаться от «обычного сотрудничества» с РФ до тех пор, пока ситуация не изменится. В коммюнике также указывается, что «ядерная стратегия России и комплексная модернизация, диверсификация и расширение систем ядерных вооружений все в большей степени поддерживают более агрессивную политику стратегического запугивания»[8]. Москве вменялась и «агрессивная и безответственная ядерная риторика»[9]. Ранее генсек НАТО Йенс Столтенберг уже заявлял, что альянс планирует продолжать наращивание своего военного потенциала для противостояния «растущей агрессии России»[10]. НАТО уже прибегла к наиболее серьезному со времен «холодной войны» усилению коллективной обороны и планирует дальнейшее наращивание потенциала.

В отношении Пекина Йенс Столтенберг выразился уже более обтекаемо: «Китай – не наш противник, не наш враг. Но альянс должен совместно противостоять вызовам, которые представляет для нашей общей безопасности возвышение Китая»[11]. В итоговой декларации саммита НАТО подчеркивается, что поведение КНР представляет собой «вызов международному порядку, основанному на правилах». В альянсе также настаивают на необходимости «большей прозрачности» в отношении ядерного потенциала Пекина и призывают последний «принять меры по укреплению доверия»[12]. В рамках новой стратегии по сдерживанию Китая НАТО также планирует активизировать сотрудничество со странами Тихоокеанского региона – с целью создания более тесной платформы между союзниками и странами региона, которые «отстаивают общие ценности, такие, как свобода и права человека»[13].

На **саммите ЕС-США**, прошедшем в Брюсселе 15 июня 2021 г., царила явно приподнятая атмосфера: Европа чествовала возвращение в свои объятия блудной заокеанской «дочери». Глава Европейского совета Ш. Мишель эмоционально обратился к президенту Байдену: «Америка вернулась на глобальную сцену. Это прекрасная новость!» Президент США хозяев встречи не разочаровал, озвучив ровно то, что от него так ждали услышать в европейских столицах. «Америка вернулась… Иметь прекрасные отношения с

[1] Bielecki Jedrzej. Rau: Biden decyduje ponad naszymi głowami // https://www.rp.pl/kraj/art8565331-rau-biden-decyduje-ponad-naszymi-glowami (date of access: 10.06.2021).
[2] Ibid.
[3] Ibid.
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Ibid.
[7] NATO – News: Brussels Summit Communiqué issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021. Date of access: 14.06.2021.
[8] Ibid.
[9] Ibid.
[10] Ibid.
[11] Ibid.
[12] Ibid.
[13] https://www.nato.int/cps/en/natohq/events_184241.htm?selectedLocale=en (date of access: 14.06.2021).

НАТО и ЕС чрезвычайным образом отвечает интересам Америки», – отметил Дж. Байден.

Центральными темами саммита стали борьба с пандемией, проблема изменения климата, сотрудничество в технологической сфере, но, прежде всего, защита западных демократий от воздействия со стороны России и Китая. В итоговой декларации саммита ЕС-США России в отличие от итогового коммюнике саммита НАТО, уже пришлось потесниться в списке озвученных угроз, уступив пальму первенства Китаю. Да и критика в адрес Москвы на этом форуме прозвучала куда более сдержанная, чем днем ранее (хотя все равно более жесткая, нежели в отношении КНР). Глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила, что Евросоюз воспринимает Пекин, прежде всего, как экономического конкурента. В целом подход ЕС, как и его заокеанского союзника, содержит элементы «сотрудничества» (в Брюсселе, например, очень заинтересованы во взаимодействии с Пекином по вопросам изменения климата, без участия КНР эту проблему просто не решить), «конкуренции» и «системного соперничествам». Когда речь идет о правах человека и политической системе в целом, ЕС и Китай становятся уже «системными соперниками», подчеркнула фон дер Ляйен. Со стороны Евросоюза, несмотря на ощутимое давление США, упорно державшегося за образ Пекина как крупнейшего торгового партнера ЕС (пусть и с некоторыми политическими «изъянами»), подобный «переворот сознания» выглядит как явная уступка Вашингтону, для которого Пекин действительно представляет главный стратегический вызов столетия.

Что касается России, то в итоговом документе саммита есть следующие формулировки: «Мы едины в нашем принципиальном подходе к России и готовы решительно реагировать на повторяющуюся схему негативного поведения и злонамеренных действий, которые Россия должна исправить, дабы предотвратить дальнейшее ухудшение отношений»[1]. При этом и Евросоюз, и Соединенные Штаты едины в том, что каналы коммуникации с Россией должны сохраняться. Также был согласован запуск диалога на высоком уровне между ЕС и США по России, хотя этот пункт декларации и не был детализирован. Кроме того, было принято решение и о необходимости более тщательного согласования мер ограничительного характера, вводимых Евросоюзом и Соединенными Штатами в отношении РФ.

Нашла свое отражение в декларации саммита и приверженность сторон поддержке суверенитета и территориальной целостности стран «Восточного партнерства» (Грузия, Молдова, Украина). Не забыли упомянуть и Белоруссию: «Мы поддерживаем народ Беларуси в его стремлении к соблюдению прав человека и демократии», – отмечается в тексте итогового документа.

Сторонам также удалось достичь промежуточного согласия в споре о «больших гражданских самолетах» (речь идет о субсидиях для Airbus и Boeing): взаимное введение штрафных пошлин решено было отсрочить на пять лет.

[1] ЕС и США запустят формат консультаций для координации политики в отношении России // https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11656609 (date of access: 15.12.2016).

Формирование единой позиции «коллективного Запада»: размен фигур

Таким образом, очевидно, что, если брать шахматную терминологию, произошел своего рода размен фигур. США окончательно определились с тем, что геополитический и экономический рост Китая является для Вашингтона стратегическим вызовом номер один в этом столетии. При этом для европейских стран – участниц НАТО (и прежде всего, для стран Восточной Европы) приоритетной угрозой традиционно представляется «российская». В итоге под нажимом Вашингтона, которому крайне важно иметь за спиной сплоченный фронт союзников в его противостоянии с КНР, сейчас происходит формирование единой позиции «коллективного Запада». Необходимо отметить, что при этом в отношении Китая она до сих пор не является унифицированной. Для Евросоюза Пекин продолжает оставаться главным торговым партнером, и отказываться от экономически выгодного сотрудничества с ним в европейских столицах явно не спешат. Показательный пример: говоря о достигнутой в ходе саммита ЕС-США договоренности о «больших гражданских самолетах», американская сторона особо выделила пункт о сотрудничестве для противодействия «угрозам амбиций Пекина, направленных на развитие авиастроительного сектора с помощью нерыночных практик». В то время как Еврокомиссия в этой связи предпочла Китай и вовсе не упоминать, ограничившись расплывчатой формулировкой о противодействии «нерыночным практикам третьих сторон». Еще одним ярким примером разницы в подходах к Пекину между ЕС и США может служить заявление канцлера Германии Ангелы Меркель, которое та поспешила сделать сразу после завершения саммита НАТО. Глава немецкого правительства подчеркнула, что в отношении Китая у Европы нет однозначной позиции: Пекин является как вызовом для ЕС, так и партнером. Помимо попытки сохранить торговые преференции от сотрудничества с Поднебесной в Евросоюзе прекрасно отдают себе отчет и в том, что без участия Китая невозможно будет решить вопросы, связанные с изменением климата, поэтому сохраняют все возможные каналы для ведения конструктивного диалога.

Позиция Евросоюза: диалоговое окно для Пекина и форточка для Москвы

И если в отношении необходимости сохранения перманентного диалога с Пекином Европа едина, то в отношении России этот пункт вызвал уже серьезные разногласия между союзниками. Повестка прошедшего 24–25 июня 2021 г. в Брюсселе саммита Евросовета предусматривала проведение стратегической дискуссии об отношениях ЕС с Россией. При этом настоящую бурю в стакане воды вызвало озвученное канцлером ФРГ Ангелой Меркель и президентом Франции Эммануэлем Макроном предложение о возобновлении диалога с Москвой, в том числе и на уровне лидеров. Иными словами, речь шла о воссоздании действовавшего до

Украинского кризиса 2014 г. формата саммитов РФ-ЕС. А. Меркель, выступая с этой инициативой накануне саммита ЕС в бундестаге, акцентировала необходимость «сохранения разговора с Россией, как бы это ни было трудно» – ради «безопасности и стабильности в ЕС». Канцлер озвучила идею разработки перечня интересующих обе стороны тем, которые могли бы послужить фундаментом для возобновления диалога в данном формате. Таковыми, по мнению А. Меркель, могли бы стать вопросы защиты климата, а также мирного урегулирования в Сирии и Ливии. Канцлер подчеркнула свою убежденность в том, что Евросоюз должен найти возможность для установления прямого диалога с Россией и ее президентом, одной только встречи Дж. Байдена с В. Путиным для возобновления диалога Запада с РФ недостаточно. «Именно Евросоюз должен создать соответствующие переговорные форматы, иначе конструктивный разговор не начнется никогда»[1], – после этого заявления А. Меркель зал пленарных заседаний бундестага взорвался аплодисментами.

Параллельно с призывом к установлению перманентного диалога с Россией на высшем уровне канцлер ФРГ подчеркнула и необходимость создания Евросоюзом «совместных механизмов реагирования» на «гибридные угрозы со стороны России». Собственно говоря, в сухом остатке речь идет о возвращении европейской политики в отношении России на круги своя: старая добрая Peitsche und Zuckerbrot – политика кнута и пряника.

Однако в Брюсселе реакция на неожиданную для многих участников саммита инициативу канцлера ФРГ была уже далека от эйфории. В полном объеме инициативу Меркель (по крайней мере публично) поддержали только президент Франции Эммануэль Макрон и канцлер Австрии Себастьян Курц. Последний при этом заявил, что Евросоюз «не может просто смотреть со стороны, как Соединенные Штаты и Россия ведут диалог», тем более что ЕС «географически ближе» и более уязвим перед лицом таких региональных вызовов, как украинский кризис, нежели США. Эммануэль Макрон в свою очередь подчеркнул, что после встречи РФ-США в верхах (16 июня 2021 г.) возрождение формата диалога между лидерами стран – участниц ЕС и Россией выглядит вполне логичным.

Однако достичь компромисса не получилось. Эстония, Латвия, Литва, Польша, Нидерланды выступили категорически против возобновления саммитов Россия-ЕС и официальных контактов на уровне лидеров государств. В итоговом коммюнике саммита нашла отражение только готовность Евросоюза к избирательному взаимодействию с Россией: прежде всего, по вопросам климатической политики, противодействия пандемии, мирного урегулирования конфликтов в Ливии и Сирии. Непосредственной разработкой формата диалога с РФ займется Европейский совет. Это то, что касается «пряников». В роли «кнута» выступает при этом пункт о «неизбежном скоординированном ответе ЕС на любые дальнейшие злонамеренные, незаконные и подрывные действия России».[2]

Таким образом, по итогам прошедшего саммита принцип взаимодействия между Евросоюзом и Москвой остался прежним. Не изменилась и санкционная политика ЕС в отношении России: действовавшие на тот момент антироссийские санкции были продлены еще на шесть месяцев. Глава Евросовета Ш. Мишель так прокомментировал это решение: «Мы продлили действие экономических санкций против России. Москва должна выполнить свою домашнюю работу, нацеленную на выполнение Минских соглашений»[3]. Последний пункт представляется крайне важным: уже даже обывателям становится очевидным, что реализация Минских соглашений окончательно зашла в тупик, поэтому постоянное апеллирование к ним все больше напоминает переливание из пустого в порожнее. А. Меркель после окончания саммита выразила сожаление в отношении того, что «более мужественного шага» со стороны Евросоюза не получилось. «Мы не смогли договориться о том, что мы немедленно встретимся на высшем уровне. Но для меня важно, что формат диалога [с Россией] остается и над ним работают», – подчеркнула канцлер.

В Кремле также выразили сожаление в связи с неудавшейся франко-германской инициативой: пресс-секретарь Президента России Д. Песков подчеркнул, что «президент Путин был и остается заинтересованным в налаживании рабочих отношений между Москвой и Брюсселем»[4]. Он также добавил, что в Кремле не теряют надежды на то, что «страны, которые придерживаются более сбалансированного подхода, как мы надеемся, продолжат работу по продвижению идеи о налаживании диалога между Брюсселем и Москвой. Москва сохраняет свою заинтересованность в этом»[5].

Подводя итог череды саммитов «коллективного Запада», необходимо отметить, что наиболее сильное беспокойство со стороны последнего вызывает стратегическое сближение России и Китая. Именно призрак российско-китайского альянса и послужил катализатором готовности европейцев к ужесточению своей официальной риторики в адрес Москвы и Пекина. Команда президента Байдена, безусловно, нашла удачный с точки зрения политического маркетинга лозунг для решения внутренних проблем расколотого американского общества и политического класса, и объединения нации вокруг флага: «наша (западная) демократия в опасности». Россия и Китай, в адрес которых не перестают звучать обвинения в ведении кампаний по дезинформации и перманентным кибератакам на территории стран Запада, при таком раскладе уже

[1] Fleming S., Khan M. Merkel and Macron fail in push for EU summit with Putin // Financial Times. – June 25, 2021. – https://www.ft.com/content/3c397438-d662-4c02-8f1e-2cf1e5a66426 (date of access: 06.25.2021).

[2] Donahue P., Delfs A. Merkel Calls for Direct EU Line of Communication With Putin // https://www.google.ru/amp/s/www.bnnbloomberg. ca/merkel-calls-for-direct-eu-line-of-communication-with-putin-1.1621139.amp.html (date of access: 06.24.2021).

[3] https://www.europarl.europa.eu/plenary/en/vod.html?mode=unit&vodLanguage=EN&vodId=43fac6a4-a7b6-c1db-e645-85bf0da8b43c&date=20210428#

[4] Цит. по: В Кремле выразили сожаление из-за отказа ЕС провести саммит с Путиным // https://www.rbc.ru/politics/25/06/2021/60d59b4d9a794783ba6a4e09?utm_source=amp_full-link

[5] Ibid.

автоматически классифицируются как «авторитарные режимы», от влияния которых и следует защищать западное сообщество и западную систему ценностей. В рамках трансатлантического партнерства происходит взаимовыгодный обмен: Североатлантический альянс усиливает официальную критику в адрес Пекина, Вашингтон же в свою очередь формально окончательно возвращается в евро-атлантическую семью. В отличие от президента Трампа, считавшего НАТО крайне затратным и невыгодным для США рудиментом «холодной войны», президент Байден, к восторгу европейцев, назвал НАТО «жизненно важной» для интересов Соединенных Штатов. Подчеркнув при этом, что если бы эта организация не существовала, США пришлось бы изобрести нечто подобное.

В отношении России консенсус между союзниками по Атлантике был вообще достигнут уже без труда и, что называется, «без купюр». Поскольку тема «российской угрозы» не только представляется крайне актуальной для европейских стран – участниц альянса с учетом взрывоопасного «Донбасского узла» под боком, но и служит консолидирующим моментом для проявления солидарности союзников. Ведь происходящая консолидация позиции Запада вовсе не означает, что у стран – участниц НАТО при этом единая повестка дня: для «старых» и «новых» членов альянса градус угроз все-таки разный. На восточном фланге НАТО критической величиной продолжает оставаться как раз «российский фактор». Очень показательно в этом отношении заявление премьер-министра Эстонии Кая Каллас, сделанное накануне саммита НАТО: «В наших интересах подтвердить единство альянса и обеспечить единое понимание союзниками стоящих перед НАТО угроз. Россия продолжает оставаться для альянса самой большой угрозой». В этом смысле признанная всеми союзниками «российская угроза» служит оправданием и для роста ассигнований в оборонный бюджет НАТО и даже для самого продолжения ее существования в качестве классического оборонного альянса. Когда-то очень емко и образно высказался на эту тему бывший глава ЦРУ генерал в отставке Дэвид Петреус, заявивший, что «приход Путина к власти стал для НАТО новым поводом к существованию» и лучшим подарком, а «политика российского лидера помогла США остаться опорой для ряда стран».

По итогам саммита РФ-США (16 июня 2021 г.) на высшем уровне можно предположить, что Вашингтон сделал ставку на попытку достижения минимальной стабилизации в отношениях с Москвой – как водится, на своих условиях. Это создает определенную иллюзию «потепления» в российско-американских отношениях, однако очевидно, что серьезного прорыва по линии Россия-Запад ожидать сейчас не приходится. Критической величиной в этом отношении остается взаимное недоверие, равно как и фундаментальная разница внешнеполитических подходов Москвы и Вашингтона. Последний продолжает придерживаться концепции «закрытого клуба»: Соединенные Штаты и круг влиятельных геополитических игроков в их фарватере разрабатывают правила игры для всех остальных. При этом для России, как и для Китая, место в этом клубе не зарезервировано. И для Пекина, и для Москвы подобный подход по определению неприемлем. Таким образом, ***вопрос пока стоит не о том, как избежать противостояния между Россией и Западом, а как придать ему более контролируемый, а, соответственно, и менее взрывоопасный характер с сохранением всех возможных каналов коммуникации***. Наиболее выигрышным в этом отношении представляется максимально прагматичный подход сторон с вынесением за скобки по возможности ценностной составляющей и сохранением канализированного диалога по избранному кругу вопросов.

При этом принципиально важным с точки зрения настоящего и будущего российско-американских отношений (как минимум, в среднесрочной перспективе), равно как и отношений по линии Россия-Запад в целом представляется следующий момент. ***До тех пор, пока этот диалог не будет вестись «на равных», для Москвы он так и останется форматом монолога из Вашингтона. Статус крупного геополитического игрока, обладающего ядерным паритетом, с единственным глобальным игроком – Соединенными Штатами – вот тот рубеж, на сдачу которого Москва никогда не согласится.***

Провал «Афганской политики» Запада и формирование внешнеполитической доктрины Дж. Байдена

Уход Соединенных Штатов из Афганистана, столь откровенно напоминавший бегство, кадры хаоса и отчаяния, царивших в аэропорту Кабула, потрясли мир, казалось бы, уже привыкший ко всему за эти полтора года ковидного безумия. Ледяным душем для европейских союзников стал тот факт, что талибы взяли под свой контроль столицу Афганистана еще до того, как ее покинули американские военные. Ведь еще всего несколько месяцев назад глава внешнеполитического ведомства ФРГ Хайко Маас, опираясь на выводы немецкой Внешней разведки (BND) (как потом выяснилось, их французские и американские коллеги также ошиблись в своих прогнозах), публично утверждал, что переход власти в Афганистане в руки талибов ранее декабря 2021 г. является крайне маловероятным сценарием. В итоге союзники оказались совершенно не готовы к масштабной эвакуации, которую европейские СМИ окрестили провальной. С этой оценкой трудно спорить, равно как и с тем, что «Афганская» политика Соединенных Штатов и Запада в целом также провалилась. Представляется, что главная причина подобного сценария заключается в том, что стратегия Запада в Афганистане изначально была основана на ошибочном целеполагании. 16 августа 2021 г. президент Дж. Байден заявил, что Соединенные Штаты выполнили все свои задачи в Афганистане. А именно: уничтожили «гнездо терроризма» и тем самым устранили непосредственную террористическую угрозу для территории США. А теперь переходят от масштабного присутствия к тактике высокоэффективных точечных антитеррористических операций с широким использованием многоцелевых беспилотников. При этом, по словам Дж. Байдена, к военным спецоперациям будут прибе-

гать лишь как к средству последнего выбора и только в том случае, если соответствующая миссия будет четко определена и осуществима. Откровенно говоря, эта аргументация критики не выдерживает. Более чем очевидно, что тогда, двадцать лет назад, речь шла о глобальном и гораздо более амбиционном проекте американской администрации – о доктрине «национального строительства» (Nation-building), являющейся частью тогдашнего внешнеполитического курса Вашингтона на принудительный «экспорт» демократии по всему миру. В Белом доме на полном серьезе полагали (в реалиях сегодняшнего дня это звучит поразительно наивно), что насаждение «демократических» правительств и институтов – вообще без всякого учета национальных, этнических и культурных особенностей регионов – автоматически будет способствовать росту безопасности в мире. Довольно быстро выяснилось, что ***демократический газон в принципе не произрастает путем насильственного перенесения на неподготовленную почву институтов и собственной системы ценностей, сколько его не поливай.*** А поливать его пришлось очень щедро: за двадцать лет расходы Соединенных Штатов на Афганистан составили более 2,1 трлн долл. США потеряли более 2300 военнослужащих, еще более 20 700 оказались ранены. Располагавшие в Афганистане самыми крупными после США воинскими контингентами Великобритания и Германия потратили за все время конфликта около тридцати и девятнадцати млрд долл. соответственно.

И вот теперь мы практически в «прямом эфире» наблюдаем смену американской внешнеполитической доктрины: отказ США от «экспорта» демократии в пользу крайне прагматичной политики, ориентированной, прежде всего, на интересы, цели и задачи самих Соединенных Штатов. Для последних в условиях раскола американского общества и политического класса, а также весьма взрывоопасной внутренней повестки становится крайне актуальной стратегия, рассматривающая любое вмешательство США вовне с точки зрения решения внутренних проблем Америки. И с этой точки зрения – замыкания на своих собственных проблемах – Америка Байдена, по сути, ничем глобально не отличается от Америки Трампа. Концентрация на проблемах собственной безопасности приходит на смену утопичной идеи принудительной трансформации мира по «демократическим лекалам» – без учета национального менталитета, истории, культурных особенностей готовности местного населения вообще кардинально менять свой жизненный уклад, формировавшийся веками. За примерами даже ходить далеко не нужно: показательно, что афганская армия, к моменту захвата Кабула в несколько раз превосходящая по численности формирования талибов и в отличие от них обладающая авиацией, предпочла просто уклониться от сражения, предоставив проливать кровь за свои «свободы» шокированным подобным поворотом дел западным союзникам.

Таким образом, Соединенные Штаты, несмотря на просоюзническую внешнеполитическую риторику Байдена о «возвращении Америки», действительно возвращаются, но – в определенном плане – к изоляционистскому курсу, начатому еще задолго до Трампа. При этом для американской внешней политики ***новая доктрина Байдена – практически квантовый скачок от попыток силовой трансформации существующего миропорядка путем мультипликации демократий (с экспортом своей политической культуры, своих ценностей и своего менталитета на неподготовленную почву) к точечному присутствию, обусловленному национальными интересами.***

Последствия смены внешнеполитической стратегии США для Китая, России и Европы

Такое изменение внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов неизбежно скажется и на западных союзниках, и на связке Россия-Китай, чье стратегическое сближение так беспокоит коллективный Запад, да и в целом будет иметь серьезные последствия для международной безопасности. Что касается Китая, то как раз его быстрый геополитический подъем, переформатировавший всю международную повестку, сыграл значительную роль и в принятии Белым домом решения о выводе американских войск из Афганистана. Как только Соединенные Штаты окончательно определились, что именно геополитическое противостояние с Пекином становится для них стратегическим вызовом номер один, распылять ресурсы и дальше администрация Байдена сочла неразумным. Особенно с учетом того, что после ухода США из Афганистана ввиду разницы географического положения Соединенные Штаты, Китай и Россия автоматически оказываются на разных уровнях безопасности. Для Вашингтона пока не просматривается непосредственная угроза с территории Афганистана, контролируемой талибами, в то время как Пекин и Москва окажутся вынуждены задействовать значительные дополнительные ресурсы для обеспечения собственной безопасности, поскольку оба государства расположены в непосредственной близости от афганской границы.

Непросто придется и европейским союзникам, которые много лет пытались оправдать в глазах собственного населения участие их стран в западном альянсе в Афганистане, убеждая, что безопасность Европы лежит, в том числе, и в горах Гиндукуша. И вдруг внезапно выяснилось, что речь с самого начала шла о безопасности непосредственно Соединенных Штатов, а правительства Германии и Франции в итоге оказались не в силах спасти всех, кто на протяжении многих лет оказывал на месте помощь западной коалиции. 26 августа 2021 г. перед началом своего турне по странам региона (Турция, Таджикистан, Узбекистан, Пакистан) министр иностранных дел Германии Хайко Маас обозначил фундаментальную проблему, стоящую сейчас перед Западом: «Атаки в кабульском аэропорту показывают нам, насколько велика опасность того, что международный терроризм вновь обретет силу. Образовался властно-политический вакуум, в который ИГИЛ-К и другие террористы сейчас стремятся с ужасающей скоростью»[1]. Крайне важно, чтобы «крах в Афганистане не дестабилизировал весь регион», подчеркнул Маас.

[1] https://www.sueddeutsche.de/politik/afghanistan-heiko-maas-rettungsaktion-tuerkei-taliban-1.5395082 (date of access: 29.08.21).

AUKUS и отказ Австралии от «сделки века» с Францией

Наглядным отражением новой внешнеполитической доктрины Байдена стала и ситуация вокруг отказа Австралии от контракта на поставку ей французской компанией Naval Group двенадцати дизельных субмарин на общую сумму около 56 миллиардов евро. Отказа тем более неожиданного, поскольку буквально за пару недель до этого министры обороны и иностранных дел Австралии подтвердили французской стороне, что «сделка века», как ее окрестили французские СМИ, остается в силе. Премьер-министр Австралии Скотт Моррисон принял шокировавшее Елисейский дворец решение после консультаций с Соединенными Штатами и Великобританией, пообещавшими в рамках только что созданного пакта AUKUS оказать помощь Канберре в создании собственного подводного флота (состоящего из подлодок уже с ядерными силовыми установками). Сам блок AUKUS был презентован 15 сентября 2021 г. президентом США Джо Байденом и премьер-министрами Австралии Скоттом Моррисоном и Великобритании Борисом Джонсоном. Белый дом объявил, что целью AUKUS является «долгосрочное обеспечение мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе».

Между тем очевидно, что за этой весьма обтекаемой формулировкой стоит стремление Соединенных Штатов притормозить рост геостратегического потенциала Пекина в этом ключевом для противостояния этих стран регионе. Особенно принимая во внимание усиливающуюся в последнее время напряженность в районе Южно-Китайского моря. О непосредственной передаче Австралии ядерного оружия речь, естественно, не идет: с Канберрой поделятся только необходимыми технологиями. Скотт Моррисон, прекрасно понимая всю конфликтную «заряженность» этого вопроса, особо подчеркнул, что его страна останется приверженной всем взятым на себя обязательствам в сфере нераспространения ядерных вооружений. Однако де-факто ситуация остается щекотливой. Премьер-министр соседней Новой Зеландии Джесинда Арден уже поспешила заявить, что она не собирается ради соседей отменять принятый в стране в 1984 г. запрет на прохождение судов с ядерным оружием на борту через новозеландские территориальные воды. Как бы там ни было, Австралия станет седьмым государством в мире, имеющим на вооружении ядерные подводные лодки. Особую пикантность ситуации придает то, что у Канберры, так лихо «прокатившей» Париж, будет теперь 12 субмарин с ядерными силовыми установками против 8 у последнего.

Реакцию французской стороны на неожиданный демарш Австралии нетрудно предугадать: Елисейский дворец был в ярости. Президент Э. Макрон назвал решение правительства Австралии «ударом в спину», французские СМИ вновь вернулись к обсуждению «смерти мозга НАТО» – разрушению коммуникаций между союзниками по Атлантике и отсутствию «нормального» процесса принятия решений в альянсе. 17 сентября МИД Пятой республики заявил о принятом президентом Макроном решении отозвать в Париж для консультаций своих послов из Вашингтона и Канберры. Любопытно, что Великобританию это решение не затронуло. Глава французского внешнеполитического ведомства Жан-Ив Ле Дриан объяснил это тем, что, мол, для Франции британская политика «постоянного оппортунизма» не является секретом, а кроме того, Британия во всей этой истории, по выражению министра, – «пятое колесо». С Австралии же и тем более явившихся «зачинщиком» Соединенных Штатов, по мнению Парижа, совсем другой спрос.

«Это одностороннее, жесткое и непредсказуемое решение [Вашингтона] очень напоминает то, что делал господин Трамп. Из слов президента Байдена мы неожиданно узнали, что заключенный Францией и Австралией контракт [на поставку субмарин с дизельными двигателями] прекращен, а Соединенные Штаты предложат австралийцам ядерную сделку, о содержании которой нам ничего не известно. Так не поступают с союзниками. Мы совсем недавно обсуждали все это с США и вот теперь этот разрыв. Это не лезет ни в какие ворота», – с возмущением прокомментировал ситуацию Ле Дриан. Он также подчеркнул в интервью радиостанции France Info, что доверие между союзниками «теперь предано»[1]. Министр обороны Французской республики Флоранс Парли назвала отказ австралийской стороны от контракта с Naval Group «ужасным решением» в сфере международной политики: по ее словам, теперь со всей ясностью очевидно, как США относятся к своим союзникам и партнерам.

Удар по Индо-Тихоокеанской стратегии Макрона

Несмотря на все попытки «виновников» этого крупного дипломатического скандала подсластить для Парижа горькую пилюлю и многочисленные заверения в том, что Франция остается «важнейшим партнером и старейшим союзником», отношениями с которым «чрезвычайно дорожат», нанесенный авторитету Пятой республики ущерб (не говоря уже о необходимости как-то компенсировать колоссальные издержки Naval Group) трудно поддается подсчету. Дело в том, что «сделка века» с Австралией рассматривалась Парижем в качестве одной из несущих опор Индо-Тихоокеанской стратегии Макрона. «Выбор США, который ведет к отстранению такого союзника и европейского партнера, как Франция, от многолетнего партнерства с Австралией в тот момент, когда мы сталкиваемся с беспрецедентными проблемами в Индо-Тихоокеанском регионе, свидетельствует об отсутствии последовательности, что Франция не может не отметить и о чем сожалеет», – говорится в совместном заявлении глав внешнеполитического и оборонного ведомств Ле Дриана и Ф. Парли.

Действительно, быстрый геополитический рост Китая уже привлек к этому региону внимание ведущих

[1] Affaire des sous-marins : «Il y a vraiment une crise grave» entre la France, l'Australie et les Etats-Unis, déplore Jean-Yves Le Drian sur France 2 // https://www.google.ru/amp/s/www.francetvinfo.fr/monde/usa/affaire-des-sous-marins-il-y-a-vraiment-une-crise-grave-entre-la-france-l-australie-et-les-etats-unis-deplore-le-ministre-des-affaires-etrangeres-sur-france-2_4776039.amp (date of access: 18.09.2021).

мировых акторов. По словам главы европейской дипломатии Ж. Борреля, нигде более гегемонистский конфликт между США и КНР не ведется так интенсивно, как здесь. Более того, по оценкам военных аналитиков, именно расклад сил в Индо-Тихоокеанском регионе в итоге решит, какое именно место займет Пекин в системе будущего миропорядка.

Эффект «AUKUS-деформации» для трансатлантического партнерства

Безусловно, этот скандал будет иметь определенные последствия и для «духа» трансатлантического партнерства. С точки зрения президента Э. Макрона, ситуация выглядит наглядной иллюстрацией его наделавших в свое время немало шума заявлений о ненадежности американского союзника. Министры иностранных дел стран – участниц Евросоюза выразили свою солидарность с Францией в этом вопросе. «Министры выразили явную солидарность с Францией. Это объявление [о разрыве контракта] противоречило призывам к более тесному сотрудничеству с ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе», – процитировало слова Ж. Борреля агентство Франс Пресс[1]. Примечательно в этой связи заявление главы Европейского совета Ш. Мишеля, подчеркнувшего, что ему трудно понять действия Австралии, Великобритании и США. *«Почему? Потому что с новой администрацией Джо Байдена Америка вернулась. Это было историческое послание, направленное этой новой администрацией, и теперь у нас есть вопросы. Что это значит – Америка вернулась? Америка снова в Америке или где-то еще? Мы не знаем»*, приводит слова высокопоставленного чиновника агентство Reuters[2].

На самом деле это очень хороший и важный для понимания новой внешнеполитической доктрины США вопрос: что конкретно в действительности означает расплывчато анонсированное Дж. Байденом «возвращение Америки»? Ведь, по сути, несмотря на смену риторики, внешняя политика Соединенных Штатов при Дж. Байдене во многом останется на тех же рельсах, что и при Д. Трампе. «Вернувшиеся» Соединенные Штаты и своим уходом из Афганистана, и ситуацией с AUKUS, и соглашением по ядерным субмаринам с Австралией уже четко продемонстрировали нынешний расклад: страна сосредотачивается, прежде всего, на своих внутренних проблемах. ***Окончательно отказавшись от идеи экспорта демократии по всему миру в пользу защиты либеральных ценностей «коллективного Запада» от автократических режимов, Вашингтон больше не стремится перекроить по своим лекалам Китай и Россию: теперь он предлагает от них «защищаться» сообща.*** Используя все ресурсы, имеющиеся в активе западных союзников, в том числе и НАТО. Анонсированные Североатлантическим альянсом планы по активизации сотрудничества с государствами Тихоокеанского региона для создания платформы между союзниками и странами региона, которые «отстаивают общие ценности, такие как свобода и права человека»[3], уже стали частью этой новой стратегии, главной целью которой является геополитическое сдерживание Поднебесной.

В самом Пекине вполне ожидаемо подвергли жесткой критике как создание блока AUKUS, так и достигнутые в его рамках договоренности. При этом МИД КНР настаивает на том, что все заинтересованные страны должны отказаться от «мышления холодной войны и правил игры с нулевой суммой»[4]. Пресс-секретарь посольства КНР в США Лю Пэнью в интервью агентству Reuters подчеркнул, что «Государствам не следует создавать изолирующих пактов, направленных против интересов третьих стран или подрывающих их, а в первую очередь им следует отказаться от менталитета холодной войны и идеологических предрассудков»[5]. Официальный представитель внешнеполитического ведомства Чжао Лицзянь заявил, что решение о создании австралийского подводного флота является «исключительно безответственной угрозой для региональной стабильности»[6]. «Это соглашение серьезно подрывает региональный мир и стабильность и приведет к дальнейшей гонке вооружений», – подчеркнул дипломат.

Что касается ***Парижа и Евросоюза***, то им придется исходить из того, что ни у одной страны – участницы ЕС, равно как и у Союза в целом, нет потенциала, сравнимого с возможностями Соединенных Штатов. А, следовательно, и иного выбора, кроме как следовать в фарватере США. Глава европейской дипломатии Ж. Боррель уже озвучил, что ЕС получил «тревожный сигнал» и должен стремиться к большей стратегической автономии. Можем предположить, что это в свою очередь означает, что теперь Евросоюзу нужен лидер, который не станет второй Ангелой Меркель, превратившейся за 16 лет своего правления в символ стабильности и преемственности для многих европейцев. На новом этапе новые вызовы требуют уже иного «политического психотипа»: стремящейся к стратегической автономии Европе нужны лидеры, которые в отличие от уходящей с европейской политической авансцены канцлера Германии с ее реактивной, взвешенной, крайне осторожной политикой способны рисковать, претворяя в жизнь самые амбициозные проекты. В условиях оголенного нерва трансатлантического партнерства и утраченного доверия между

[1] https://www.reuters.com/world/europe/eu-foreign-ministers-discuss-submarine-dispute-monday-2021-09-20/ (date of access: 20.09.2021).

[2] Ibid.

[3] Schiltz Ch. Nato warnt Putin und Lukaschenko vor Destabilisierung // Die Welt. – June 6, 2021. – https://www.google.ru/amp/s/amp.welt.de/politik/ausland/article231618999/Jens-Stoltenberg-Nato-warnt-Putin-und-Lukaschenko-vor-Destabilisierung.html (date of access: 06.06.2021).

[4] China sees 'Cold War mentality' in U.S., British, Australia pact // https://www.reuters.com/world/china-sees-cold-war-mentality-us-british-australia-pact-2021-09-15/ (date of access: 2021.09.16).

[5] Kornelius S. Der neue Kalte Krieg// Zueddeutsche Zeitung. – September 16, 2021. – http://www.sueddeutsche.de/meinung/china-usa-australien-u-boote-pazifik-1.5412701 (date of access: 16.09.2021).

[6] https://www.sueddeutsche.de/politik/suedpazifik-usa-australien-1.5412706 (date of access: 16.09.21).

союзниками по Атлантике, а также ухода из политики такого политического тяжеловеса, как А. Меркель, пользующегося непререкаемым авторитетом в Европе, последней неизбежно предстоит побороться за европейское лидерство. И здесь было бы уместным вспомнить высказывание 26-го президента США Теодора Рузвельта: «Люди спрашивают, какая разница между лидером и боссом. Лидер работает в открытую, босс – в закрытую. Лидер ведет, босс погоняет». Администрация 46-го президента США в реализации своей внешнеполитической доктрины и борьбе за стратегический выигрыш в противостоянии с Пекином пока явно делает ставку на второй вариант. Кроме того, не стоит забывать и о том, что любому мировому гегемону априори присуща структурная ошибка культуры принятия решений – неумение идти на компромисс. Даже если он гарантирует выигрыш для обеих сторон. И остальному миру следует быть к этому готовым: иллюзии в политике лишь умножают предрассудки и, как правило, приводят к горьким разочарованиям.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ САММИТ В ЖЕНЕВЕ: «ЗАРНИЦЫ СЧАСТЬЯ» В МИРЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ

Анастасия Понамарева,
Зав. Отделом проблем европейской безопасности ИНИОН РАН

Аннотация. В статье рассмотрены динамика и итоги российско-американского саммита с участием глав государств, прошедшего в Женеве 16 июня 2021 г. Автор делает попытку оценить вероятность того, что достигнутые на встрече договоренности о стратегическом диалоге и поиске новых правил игры с учетом модернизации технологий станут основой для постепенного потепления в отношениях Москвы и Вашингтона.

Ключевые слова: саммит Путина Байдена в Женеве 2021; Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III); кибербезопасность; Украина; права человека.

Keywords: Putin Biden Summit in Geneva 2021; Strategic Arms Reduction Treaty (New START); cybersecurity; Ukraine; human rights.

6 июня 2021 г. состоялся первый за последние три года российско-американский саммит с участием глав государств. Последний раз лидеры США и России встречались в 2018 г., когда В.В. Путин проводил переговоры с предшественником Дж. Байдена – Д. Трампом – в Хельсинки.

На консультациях в узком составе помимо президентов присутствовали министр иностранных дел С.В. Лавров и государственный секретарь США Э. Блинкен. Затем переговоры продолжились в расширенном составе: на второй сессии было задействовано больше помощников, в том числе послы А.И. Антонов и Дж. Салливан, начальник Генерального штаба ВС России В.В. Герасимов и спецпредставитель Президента РФ по Сирии А.Л. Лаврентьев, заместитель госсекретаря по политическим делам В. Нуланд, директор по России и Центральной Азии Совета национальной безопасности при Белом доме Э. Грин.

Встреча в узком составе началась около 14.36 (мск) и должна была завершиться в 15.45, однако главы государств беседовали до 16.19. Если первый раунд переговоров продлился на полчаса больше, чем было запланировано протоколом, то сам саммит занял всего три с половиной часа вместо предполагавшихся четырех с половиной[1]. Отметим, что на встречу Путина и Байдена курс рубля в ходе валютных торгов Московской биржи отреагировал ростом, составив 71,86 рубля за доллар и 87,12 рубля за евро на 14.31 (мск)[2].

[1] Саммит Россия-США в Женеве завершился // Известия. – 16 июня 2021 г. – https://iz.ru/1179608/2021-06-16/sammit-rossiia-ssha-v-zheneve-zavershilsia

[2] Рубль перешел к росту на фоне встречи Путина и Байдена // ТАСС. – 16 июня 2021 г. – https://tass.ru/ekonomika/11664105

Как обозначил в интервью *Radio Classique* директор парижского Института международных и стратегических отношений (*L'Institut de relations internationales et stratégiques*, *IRIS*) Паскаль Бонифас, переговоры с российским президентом стали неотъемлемой частью дипломатического марафона Байдена, призванного «подтвердить возвращение Америки к международному сотрудничеству, как это уже имело место в борьбе с глобальным потеплением, и обозначить явный разрыв со стратегией Трампа»[1]. Однако траектория движения Байдена на саммит с Путиным полностью повторяла траекторию его предшественника, прибывшего на встречу с российским лидером после визита в Великобританию. Байден также начал с общения с европейскими союзниками: 11–13 июня он принял участие в саммите G7 в Великобритании, 15 июня провел встречу с руководством ЕС[2]. Центральным в цепочке трех крупных встреч лидеров ведущих организаций западного мира, ради которых президент США прилетел в Европу, стал прошедший 14 июня в Брюсселе саммит НАТО.

Учтя ошибки 45-го президента США, администрация Байдена тем не менее отказалась от предложения провести совместную с Путиным пресс-конференцию по итогам Женевского саммита. С точки зрения экс-посла США в РФ М. Майкфола, это решение было продиктовано опасениями оказаться в ситуации, аналогичной имевшей место в Хельсинки, когда Трампа раскритиковали за слабое выступление на фоне главы РФ[3].

В своей оценке закрытого формата встречи и отказа сторон от совместной пресс-конференции экспертное сообщество разделилось на два неравновесных лагеря. Немногочисленные политические оптимисты усмотрели в этом свидетельство серьезности вынесенных на переговоры вопросов, реалисты же сочли подобное отсутствие транспарентности способом замаскировать легко прогнозируемое отсутствие прорывных решений по тем самым серьезным вопросам. Позицию последних максимально емко выразил министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, когда, отвечая на вопросы аудитории в рамках своего выступления на международном форуме «Примаковские чтения» 9 июня 2021 г., заявил: «У нас нет никаких завышенных ожиданий, иллюзий о том, что грядут некие “прорывы”. Но есть объективная необходимость в обмене мнениями на высшем уровне о том, какие угрозы видят Россия и США как две крупнейшие ядерные державы на международной арене»[4].

В рамках настоящей статьи мы попытаемся ответить на вопрос: можно ли считать самым ценным итогом саммита сам факт его проведения, а также проанализируем, какого рода «красные линии» обозначили друг другу на встрече Москва и Вашингтон.

Состояние российско-американских дипломатических отношений накануне саммита

За время, прошедшее со встречи Путина и Трампа в Хельсинки, официальные Москва и Вашингтон дополнительно осложнили работу дипломатических миссий друг друга. Весной 2021 г. послы России и США А.И. Антонов и Дж. Салливан вернулись в свои столицы, что стало еще одним символом общего понижения уровня отношений. Россия внесла США в список недружественных государств, запретив посольству нанимать на работу россиян, что привело к дальнейшему сокращению численности посольства и остановке выдачи россиянам американских виз[5]. Не обошлось и без взаимной высылки дипломатов. В связи с «делом Навального» Минфин США объявил о санкциях в отношении первого зам. руководителя администрации Президента РФ С.В. Кириенко, директора ФСБ А.В. Бортникова и других российских официальных лиц. Кроме того, в санкционный список (SDN OFAC) попали три российских НИИ: 27-й Научный центр и 33-й Центральный научно исследовательский испытательный институт Министерства обороны РФ, а также Государственный научно-исследовательский институт органической химии и технологии как учреждения, которые якобы «участвовали или пытались участвовать в действиях или сделках, которые содействовали распространению оружия массового уничтожения или его способа доставки, или создавали риск подобного содействия»[6]. В период президентства Байдена Вашингтон дважды вводил санкции против России, поводами к чему помимо «отравления» оппозиционера А. Навального служили так называемое вмешательство Москвы в президентские выборы в США 2020 г. и кибератака на компанию *SolarWinds*. В свою очередь МИД РФ ввел санкции против генерального прокурора США М. Гарланда, директора ФБР К. Рэя, бывшего советника по национальной безопасности при администрации Б. Обамы С. Райс и ряда других действующих и бывших американских высокопоставленных чиновников, причастных к реализации антироссийского курса, запретив

[1] Rencontre Biden / Poutine: «La menace Russe est plus un souvenir qu’une réalité pour lesEtats-Unis» // Radio Classique. – 12.06.2021. – https://www.radioclassique.fr/magazine/articles/rencontre-biden-poutine-la-menace-russe-est-plus-un-souvenir-quune-realite-pour-les-etats-unis/

[2] Встреча президентов России и США на Женевском озере. Что важно знать // РБК. – 15 июня 2021 г. – https://www.rbc.ru/politics/15/06/2021/60c3278f9a794733670d1dc1

[3] Макфол: США отказались от общей пресс-конференции с Путиным, боясь повторения Хельсинки // ТАСС. – 16 июня 2021 г. – https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11662401

[4] Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на международном форуме «Примаковские чтения» в режиме видеоконференции, Москва, 9 июня 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 9 июня 2021 г. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4779515

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 № 1230-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – 13 мая 2021 г. – http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105140026?index=1&rangeSize=1

[6] Treasury Sanctions Russian Officials in Response to the Novichok Poisoning of Aleksey Navalny. – March 2, 2021. – https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0045

им въезд на территорию страны[1]. Показательно, что экономическим фоном встречи стали вступившие в силу 14 июня санкции США, запрещающие американским инвесторам покупать российские облигации федерального займа (ОФЗ) на аукционах Минфина, и решение Правительства РФ о полном выходе Фонда национального благосостояния (ФНБ) из долларовых активов. Объявив о дедолларизации ФНБ незадолго до саммита, правительство направило сигнал рынкам и Вашингтону, что санкционное давление не заставит Москву изменить свое поведение и в ответ она только усилит свою макрофинансовую защиту.

«Красные линии» и point of reference

В преддверии саммита российская сторона акцентировала необходимость прояснить позицию США в отношении вопросов стратегической стабильности и кибербезопасности; американская же – обозначала отсутствие стремления к эскалации напряженности вкупе с готовностью обсуждать вопросы, по которым у Москвы и Вашингтона есть возможности взаимодействия. Хотя оба лидера сошлись во мнении, что отношения США и России, как было заявлено В.В. Путиным в интервью американскому каналу *NBC*, «опустились до низшей точки за последние годы»[2], анонсированная повестка – двусторонние отношения, Украина, Ливия, Сирия, КНДР, Афганистан, пандемия COVID-19 – мало чем отличалась от сформулированной три года назад. В 2018 г. в центре внимания также были кризисное состояние двусторонних отношений и пути его выправления, международные вопросы (Сирия, КНДР и др.).

В ходе встречи каждая из сторон осталась «при своем», повторив озвученные ранее позиции. Байден показал, что он ни в коей мере не является «Рукой России» в терминологии С. Тэлботта, и далек от стремления к интенсивной персонализации дипломатии, которая наблюдалась в тандеме Клинтона-Ельцина. Таким образом, рассчитывать на то, что взаимопонимание между лидерами разрешит или смягчит дискуссии о роли России в мире после холодной войны, не приходится.

В частности, глава Белого дома подверг жесткой критике попытки вмешательства в выборы и давление на оппозицию в России. В свою очередь В.В. Путин обвинил США в поддержке российской оппозиции и сравнил действия структур Навального со штурмом Капитолия и беспорядками на фоне насилия против афроамериканцев[3]. Когда Байдена попросили прокомментировать эту параллель, он назвал такое сопоставление смехотворным, указав, что бесчинства преступных групп нельзя сравнивать с ограничением права людей свободно выражать свое мнение.

Американской стороной было обозначено намерение решительно противостоять кибератакам, ответственность за которые возлагалась то на российское правительство (кейс *SolarWinds*[4]), то на некую «российскую группу хакеров» (кейс *Colonial Pipeline*[5]). По словам президента США, он передал Путину список из примерно 16 объектов критической инфраструктуры Соединенных Штатов, включая энерго- и водоснабжение, которые не должны подвергаться нападениям хакеров. Байден отметил, что у Вашингтона есть «широкие возможности» ответного кибер-удара и готовность их использовать. Таким образом, помимо темы соблюдения прав человека Вашингтон четко прочертил для себя еще одну из тех «красных линий», что обсуждались перед саммитом[6].

Отвечая на высказанные обвинения, В.В. Путин обратил внимание на то, что, даже по данным американских источников, большинство кибератак в мире совершается из США, а также из Канады и Великобритании. Также российский лидер подчеркнул, что Москва дала исчерпывающие ответы по всем запросам Вашингтона по кибератакам.

Если проанализировать сделанные по итогам Женевского саммита заявления американской и российской делегаций относительно возможности цифровой разрядки, возникает ощущение, что Путин и Байден присутствовали на двух разных мероприятиях. В то время как американская сторона фиксирует внимание на проблеме определения ответственности за киберпреступления и Байден подчеркивает – «Я дал понять, что у нас есть возможности защиты. И если нарушают – мы ответим. Он [Путин] это знает»[7], Президент РФ рассказывает журналистам о достигнутой договоренности начать двусторонние консультации по кибербезопасности[8].

---

[1] О запрете на въезд в Российскую Федерацию некоторым гражданам США // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 16 апреля 2021 г. – https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4689150

[2] Цит. по: Герейханова А. Владимир Путин дал интервью американскому телеканалу NBC. Главное // Российская газета. – 12 июня 2021 г. – https://rg.ru/2021/06/12/vladimir-putin-dal-interviu-amerikanskomu-telekanalu-nbc-glavnoe.html

[3] Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин по итогам переговоров с Байденом // Российская газета. – 16 июня 2021 г. – https://rg.ru/2021/06/16/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-po-itogam-peregovorov-s-bajdenom.html

[4] В декабре 2020 г. атакам хакеров подверглись менее десятка правительственных структур и около 18 000 пользователей программы *Orion* от *SolarWinds* в государственном и частном секторах. Целью взломов, по оценке спецслужб, был сбор разведывательных данных.

[5] Атака кибервымогателей в мае 2021 г. вынудила компанию *Colonial Pipeline* закрыть трубопровод, по которому на Восточное побережье США идет почти половина бензина, дизельного топлива и авиакеросина, что вызвало скачок цен и паническую скупку топлива на автозаправках. В данном случае мы наблюдали пример кибератаки *Ransomware*, нацеленной не просто против бизнеса, а на важный для страны элемент инфраструктуры.

[6] Remarks by President Biden in Press Conference // The White House. – June 16, 2021. – https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/06/16/remarks-by-president-biden-in-press-conference-4/

[7] Remarks by President Biden in Press Conference // The White House. – June 16, 2021. – https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/06/16/remarks-by-president-biden-in-press-conference-4/

[8] Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин по итогам переговоров с Байденом // Российская газета. – 16 июня 2021 г. – https://rg.ru/2021/06/16/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-po-itogam-peregovorov-s-bajdenom.html

Показательно, что в отношении одной из наиболее сложных тем в отношениях России и США – конфликта на юго-востоке Украины и «аннексии» Крыма – «красные линии» обозначены не были. Байден ограничился фразой о поддержке суверенитета и территориальной целостности Украины, не упомянув о широко обсуждавшемся в западной прессе стягивании войск РФ к украинским границам. Оба лидера высказались за урегулирование конфликта в Донбассе на основе Минских соглашений.

Фактически, в рамках саммита Дж. Байден каталогизировал список российских действий, которые США находит неприемлемыми и на которые уже в ряде случаев следовал ответ в форме санкций, и одновременно продемонстрировал готовность начать с чистого листа работу по целому ряду направлений – от Украины до Сирии, установив новый набор «красных линий». При этом предполагается возвращение к прямым, институционально оформленным каналам общения и уход от Твиттер-дипломатии и политики в формате 140 знаков.

Президент провел тонкую линию между выделением потенциальных областей кооперации – изменение климата, стратегическая стабильность, ядерная программа Ирана – и последовательной защитой западных интересов и ценностей. Одна из уступок, на которые он пошел, была из области риторики: Байден публично объявил Россию великой державой, в то время как при его предшественнике – демократе Б. Обаме она определялась не иначе как держава региональная[1].

Основой для постепенного потепления в отношениях Москвы и Вашингтона в представлении участников саммита оказались договоренности о стратегическом диалоге и поиске правил игры с учетом новых технологий. По итогам встречи в Женеве президенты России и США приняли совместное заявление по стратегической стабильности. В нем главы государств вновь подтвердили согласованный М.С. Горбачевым и Р. Рейганом в 1985 г. важнейший принцип, согласно которому в ядерной войне не может быть победителей, а потому она никогда не должна быть развязана. Было объявлено о запуске двустороннего диалога по стратегической стабильности, призванного заложить основу будущего контроля над вооружениями и мер по снижению рисков. Член российской делегации замглавы МИД РФ С.А. Рябков прокомментировал значимость совместного заявления президентов России и США по стратегической стабильности, поставив его в «в один ряд с продлением Договора между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». «Это второй шаг Вашингтона в русле восстановления здравого смысла и ответственного подхода к ключевым аспектам международной безопасности. […] Любые “игры” вокруг этого, двусмысленности, накачка дискурса, это все не просто вредно, а опасно. Теперь мы имеем точку отсчета, в большом политическом смысле, но и в сугубо практическом плане – это важный итог саммита»[2], – констатировал Сергей Алексеевич.

«Иллюзий нет. И быть не может»

Тем не менее, если говорить о *реально ощутимых* итогах, то чуть ли не единственным результатом российско-американского саммита в Женеве стало возвращение послов обоих государств на места их работы после нескольких месяцев дипломатического противостояния, вызванного высказываниями Байдена о Путине и новыми санкциями. Безусловно, лидеры США и РФ не преминули произнести общие фразы о «хорошем и позитивном» тоне встречи, «весьма конструктивном» обсуждении. Однако увидеть в этих репликах нечто большее, чем просто дань вежливости, мешает, как минимум, отсутствие попыток договориться о последующих взаимных визитах. «Президент Байден не приглашал меня в гости. Я пока тоже не сделал такого предложения. Мне кажется, что для таких поездок, для таких встреч, для таких визитов должны созреть условия», – заявил В.В. Путин[3].

На этом фоне прозвучавшее в итоговом совместном заявлении двух президентов обещание запустить «предметный и энергичный» диалог по стратегической стабильности обнадеживает тех представителей экспертного сообщества, которые в своей деятельности в области контроля над вооружениями руководствуются олимпийским принципом: участие важнее результата. Однако российским служащим внешнеполитического ведомства следует помнить, что они играют с партнером, достигшим совершенства в создании необходимой внешней конъюнктуры для подталкивания оппонента к новым переговорам при заведомой нацеленности впоследствии не выполнять или отказаться от взятых на себя обязательств.

Американские стратеги, на практике много лет готовящие доктринальные концепции и формирующие политику Вашингтона в ядерной области, заблаговременно планируют колебания тактического курса, позволяющие под предлогом смены администраций либо не доводить до логического завершения запущенные самими же США инициативы, либо дезавуировать взятые на себя ранее обязательства.

Наиболее ярким примером сознательной приостановки официальным Вашингтоном проекта, в число инициаторов которого США входили, может служить бесконечная история Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

В настоящее время Договор ратифицировали 36 стран из «списка 44», в том числе три, обладающие ядерным оружием, – Россия, Великобритания и Фран-

[1] Stephens P. Biden’s Moscow Outreach Exposes Europe’s Disarray // www.russiamatters.org. – July 7, 2021.

[2] Интервью заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С.А. Рябкова газете «Коммерсант», 16 июня 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 17 июня 2021 г. – https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4788055

[3] Путин и Байден не пригласили друг друга в гости // REGNUM. – 2021. – 16 июня 2021 г. – https://regnum.ru/news/polit/3298244.html

ция. Из оставшихся восьми стран ДВЗЯИ не подписали три – Индия, КНДР и Пакистан. Еще пять стран – США, Китай, Египет, Израиль и Иран – договор подписали, но не ратифицировали.

Обращая внимание на то, что «в вопросе о присоединении к ДВЗЯИ остающиеся вне Договора страны ведут себя с прямой оглядкой на США», российский МИД утверждает, что именно «“застойная” позиция Вашингтона является главным препятствием на пути превращения ДВЗЯИ в действующий международно-правовой инструмент»[1].

Если же говорить о другой – многократно апробированной США – стратегии отказа от ранее взятых на себя обязательств под предлогом «изменений внешнеполитических условий», в первую очередь вспоминается выход США из Договора о ПРО 1972 г., воспринимавшегося в качестве краеугольного камня стратегической стабильности. Следующий шаг Вашингтона на пути обрушения имеющейся системы контроля над вооружениями – выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). США вышли из соглашения 1 августа 2019 г., на что РФ ответила зеркально, покинув Договор 2 августа 2019 г. С размыванием правил игры, которые в свое время фиксировал ДРСМД, по опасной траектории может пойти развитие Вашингтоном доктрины «воздушной мощи». Так, спустя всего несколько часов после выхода РФ из Договора министр обороны США М. Эспер заявил, что разработка новых баллистических крылатых ракет в неядерном оснащении отныне будет вестись в ускоренном темпе[2].

Продление на ближайшие пять лет администрацией Байдена Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), от которого отказался предыдущий глава Белого дома Д. Трамп, вовсе не свидетельствует о начале тотальной перезагрузки в российско-американских отношениях.

Тот факт, что демократ Байден обнаружил в обсуждении СНВ-III зацепки для поддержания переговорного процесса с Москвой, а сторонники республиканца Трампа подвергли его за это ожесточенной критике, подтверждает гипотезу о том, что при конъюнктурном изменении методов реализации стратегического курса Вашингтона в области ядерной политики, ее долгосрочные цели – достижение «неугрожаемого состояния» и «абсолютной безопасности» в рамках взаимного сдерживания с Россией – сохраняются.

Как обозначалось на официальном сайте Госдепартамента США еще в феврале 2021 г.: «Договор СНВ-III также предоставляет форум для продолжающегося диалога по стратегическим и ядерным вооружениям в то время, когда напряженность между нашими странами усиливается, а двусторонние отношения становятся все более сложными»[3]. И в ситуации, когда «Россия и США фактически перешли от соперничества к конфронтации, по сути, вернулись в эпоху холодной войны»[4], а от системы контроля над вооружениями, созданной в биполярный период, остались лишь обломки, отказаться от этого «форума» значило бы устранить из повестки двусторонних отношений Москвы и Вашингтона последнюю тему, допускающую совпадение интересов. Симптоматично, что, огласив весь список претензий к России на Женевском саммите, Байден одновременно дал всем понять, что СНВ-III – «это другое». Стороны договорились создать профильные группы по вопросам стратегической стабильности. Очевидно, именно с этой целью участие в переговорах в расширенном составе принял глава российского Генштаба В.В. Герасимов[5].

«Вы знаете, Лев Толстой как-то сказал: “В жизни нет счастья, есть только зарницы его. Дорожите ими”. Вот мне кажется, что в такой ситуации не может быть какого-то семейного доверия, но зарницы его, мне кажется, промелькнули», – заявил В.В. Путин на пресс-конференции после окончания саммита, отвечая на вопрос, удалось ли им с Байденом выйти на новый уровень взаимопонимания[6]. Достаточно ли этого взаимного «кажется» для рестарта отношений Москвы и Вашингтона – покажет время.

Заключение

Прогнозируя дальнейшее развитие российско-американского взаимодействия в области контроля над вооружениями, не стоит сбрасывать со счетов ограничения, обуславливаемые институционально. Вне зависимости от мотивации каждого из участников продление СНВ-III связывает обе стороны: не только обязательствами по его выполнению, но и необходимостью определиться с направлением дальнейшего развития стратегического диалога.

В плане возможных рекомендаций относительно его ключевых опор уместно будет вспомнить концепцию ядерной стратегической стабильности[7], предло-

[1] Комментарий МИД Российской Федерации в связи с опубликованием очередного доклада Государственного департамента США о соблюдении государствами соглашений в области контроля над вооружениями и нераспространения. – 29 апреля 2017 г. – http://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/ 2740264

[2] Statement From Secretary of Defense Mark T. Esper on the INF Treaty // U.S. Department of Defense. – 2 August, 2019. – https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/1924386/statement-from-secretary-of-%20defense-mark-t-esper-on-the-inf-agreement%20/

[3] New START Treaty Mythbusters // US Department of State. – 3 February, 2021. – https://www.state.gov/new-start-treaty-mythbusters

[4] Медведев заявил о возвращении в эпоху холодной войны в отношениях с США // РИА Новости. – 23 апреля 2021 г. – https://ria.ru/20210423/medvedev-1729563660.html

[5] Гончаренко Р. Женевское потепление: итоги саммита Путина и Байдена // DW.com. – 16 июня 2021 г. – https://www.dw.com/ru/zhenevskoe-poteplenie-itogi-sammita-putina-i-bajdena/a-57929940

[6] Стенограмма: О чем рассказал Владимир Путин по итогам переговоров с Байденом // Российская газета. – 16 июня 2021 г. – https://rg.ru/2021/06/16/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-po-itogam-peregovorov-s-bajdenom.html

[7] Gower G. Framing 21st Century Arms Control: Nuclear Strategic Stability & an Arms Control Pathway // Draft Working Paper for the Toda/NUPI conference on Exploring New Approaches to Arms Control in the 21st Century. – October 21, 2018.

женную британским контр-адмиралом Дж. Гауэром[1]. Им был выделен ряд компонентов, должных составлять кодекс поведения в вопросах ядерной ответственности: сдержанность в риторике, занимаемых позициях, предпринимаемых действиях и боеготовности; ясные и недвусмысленные каналы связи и способы взаимодействия на уровне национальных органов контроля; воздержание от использования ядерного оружия в качестве рычага государственной политики, за исключением вопросов стратегического сдерживания. Т.е. охватывался весь спектр мер: от декларируемой политики до разоружения и контроля над вооружениями.

Пространство для имплементации подобного рода рекомендаций есть, поскольку, и это даже подчеркивалось в Совместном заявлении президентов России и США по стратегической стабильности, обе страны «демонстрировали, что даже в периоды напряженности они способны добиться прогресса в реализации совместных целей по обеспечению предсказуемости в стратегической сфере, снижению рисков вооруженных конфликтов и угрозы ядерной войны»[2]. В 2026 г. срок СНВ-III истекает, встанет задача сформулировать новые условия, а потому работа над их содержательным наполнением должна начаться уже сегодня. И в процессе этой работы российской стороне важно удержаться от искушения ценой уступок на этом крайне важном для Москвы направлении попытаться снизить давление на РФ по другим трекам.

[1] До ухода в отставку в декабре 2014 г. занимал должность помощника начальника штаба обороны в Министерстве обороны Великобритании.

[2] Совместное заявление президентов России и США по стратегической стабильности // Kremlin.ru. – 2021. – 16 июня. – http://kremlin.ru/supplement/5658

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ РАЗВЕДСООБЩЕСТВА США К ОЦЕНКАМ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Сергей Понамарев,
доцент Инженерной академии РУДН

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ двух последних открытых обзоров оценок мировых угроз, опубликованных американским разведсообществом в 2019 и 2021 гг. Кроме того, автор рассматривает внутриполитический контекст подготовки и обнародования документов. В результате соотнесения структуры докладов, а также содержания по основным тематическим блокам формулируется вывод о преемственности в подходах американского разведсообщества к оценкам внешних вызовов и угроз, несмотря на любые происходящие политические изменения внутри страны.

Ключевые слова: российско-американские отношения; внутриполитическая ситуация в США; стратегическое сдерживание; ядерное нераспространение; контроль над вооружениями; подходы спецслужб к оценкам вызовов и угроз; информационное противоборство.

Keywords: Russian-American relations; the internal political situation in the United States; strategic deterrence; nuclear non-proliferation; arms control; approaches of special services to assessments of challenges and threats; informational confrontation.

Любой официально публикуемый документ государственных структур, отражающий подходы к выстраиванию политики в области военной безопасности, национальные приоритеты в оценке рисков, вызовов и угроз, предполагаемые методы реагирования на них, а также описывающий трактовки причин происходящих событий и прогнозы их развития априори носит характер информационной операции. Посылаемые таким образом сигналы, содержащие как действительные взгляды аналитиков и стратегов различных штабных структур, так направленную дезинформацию, призваны дать нужные в складывающейся конъюнктуре императивы союзникам, противникам, а также собственному населению. Каждое слово в подобных документах аккуратно подобрано, все формулировки прошли сложное многоуровневое межведомственное согласование. Поэтому структура таких документов, тональность текста, в том числе тех фраз, которые оставляют возможность для различных трактовок, отточены и многократно перепроверены. Этот подход особенно свойственен материалам американских госорганов и комиссий, издающимся регулярно либо с определенной в соответствии с требованиями законодательства периодичностью. Авторы таких доктринальных манускриптов, как «Стратегия национальной безопасности» (National Security Strategy), «Обзор ядерных сил» (Nuclear Posture Review), «Четырехлетний обзор обороны» (Quadrennial Defense Review) и т.п., прекрасно отдают себе отчет, что первичный внешний анализ вновь опубликованного документа будет основан, прежде всего, на его практически побуквенном сравнении с предыдущим. В этом контексте, очевидно, что документы, открыто публикуемые специальными службами, в еще большей степени являются средством информационного воздействия.

Обращение к недавней истории позволяет нам заключить, что некоторые из подобных документов не были направлены исключительно против конкретного оппонента: они преследовали цель предупредить о выявленных рисках все мировое сообщество и тем самым заложить основу для развития международного сотрудничества в общих интересах поддержания стратегической стабильности. В дальнейшем подобные материалы проходили проверку временем и становились общепризнанными источниками для объективного анализа, поскольку содержали выверенную информацию, а не политически мотивированные спекуляции. Наиболее яркий пример подобного рода документов спецслужб – открытые доклады СВР России по тематике нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями, изданные в 1993–1998 гг.[1] Однако они – скорее исключение, подтверждающее одно из ключевых правил информационной войны, сформулированных Й. Геббельсом: «мы добиваемся не правды, а эффекта». И именно этим правилом руководствуются авторы ежегодных открытых докладов разведсообщества США об оценке угроз[2]. В связи с этим небезынтересным представляется предпринять попытку проанализировать два последних таких документа, изданных, соответственно, при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена, для определения, какого именно «эффекта» стремились добиться аналитики, стратеги и пропагандисты спецслужб США, смещая и видоизменяя акценты в своих официально декларируемых взглядах и оценках.

---

[1] Открытые доклады СВР России. – https://svr.gov.ru/material.htm

[2] Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community – интегрированный ежегодный открытый доклад разведсообщества США, представляемый с 2006 года аппаратом директора национальной разведки комитету Сената США по разведке.

Основные параметры, которые следует учесть при анализе указанных докладов, – это внутриполитический контекст их подготовки и публикации, а также спровоцированная ими общественная реакция. Доклад за 2019 г[1]. помимо традиционного внимания со стороны экспертов и аналитиков, получил дополнительный резонанс в СМИ, прежде всего, из-за резко негативной персональной реакции на него президента Д. Трампа. Он жестко раскритиковал на своей странице в Twitter руководителей специальных служб за целый ряд положений документа, не в полной мере отвечавших его взглядам. Например, среди прочего Трамп отмечал: «Эти разведчики выглядят чрезвычайно пассивными и наивными, когда речь идет об опасностях, проистекающих от Ирана. Они ошибаются!»[2]. При этом президент оставил без внимания особо подчеркнутые директором национальной разведки Д. Коутсом во время представления доклада в Сенате тезисы документа о якобы имевших место попытках вмешательства России в американские выборы, а также о значимости для США угрозы изменения климата, на что не преминули обратить внимание американские журналисты ведущих продемократических СМИ[3]. В итоге уже в августе 2019 г. именно это несогласие с Трампом по ряду вопросов стоило политическому назначенцу Коутсу (профессиональному политику-республиканцу, никогда не являвшемуся кадровым сотрудником спецслужб) кресла директора нацразведки. Вместе с тем в этом контексте стоит особо отметить, что директор ЦРУ Дж. Хаспел (офицер разведки с 1985 г.), также, несомненно, сыгравшая ведущую роль в подготовке доклада 2019 г., доработала на своей должности до 20 января 2021 г., не получив от обычно скорого на кадровые решения Трампа «черную метку».

Судя по всему по причине чрезмерного внутриполитического ажиотажа января 2019 г. доклад за 2020 год так и не был обнародован. Американские экспертные неправительственные центры и СМИ, поддерживавшие кандидатуру Дж. Байдена, активно продвигали тезис о том, что Д. Трамп, никогда особенно не доверявший собственным спецслужбам, всеми силами не дает им высказать «объективную» оценку происходящих в стране и мире событий, поскольку она якобы автоматически поставит под сомнение дееспособность администрации Белого дома. В частности, в качестве одной из возможных причин отсутствия публикации документа, как ожидалось, в первом квартале 2020 г. журналистами называлось возможное наличие в нем положения о неготовности США к угрозе эпидемии, что в условиях начинавшейся глобальной пандемии COVID-19 могло лишний раз активизировать критику позиции Трампа в отношении коронавируса[4]. Показательно, что до сих пор эта же причина указывается и авторами Википедии на странице, посвященной ежегодным докладам разведсообщества США об оценке угроз[5]. Справедливости ради необходимо отметить, что такая гипотеза была основана, прежде всего, на том, что в докладе за 2019 г. в разделе, посвященном здравоохранению в мире, американское разведсообщество действительно акцентировало внимание на значительном воздействии, которое может быть оказано на США и другие страны новой глобальной эпидемией гриппа или иного высококонтагиозного заболевания[6]. Однако речь там шла о болезнях, типичных для ряда густонаселенных стран Африки, Центральной Америки и Южной Азии, не имеющих серьезной медицинской инфраструктуры. Если не следовать популярным «теориям заговора», то вряд ли этот тезис стоит рассматривать как настоящее «пророчество» будущей эпидемии коронавируса. Скорее, это лишь пример удачного прогноза, сделанного на основании анализа вполне очевидных фактов.

Практически до самого дня выборов президента США представители демократической партии безостановочно атаковали Трампа и его администрацию, якобы запрещавшую руководителям спецслужб представить очередной ежегодный доклад. Так, заместитель председателя комитета по разведке Сената США демократ М. Уорнер (шт. Вирджиния) развернул масштабную пиар-кампанию, якобы направленную на «оказание поддержки» преемнику Д. Коатса – другому политическому назначенцу, никогда не работавшему в спецслужбах Дж. Рэтклиффу в том, чтобы он опубликовал оценки разведки, несмотря на давление Д. Трампа. Как отмечал Уорнер: «я не поддерживал его [назначение], но хочу, чтобы он успешно делал свою работу. Первый шаг к тому, чтобы быть успешным, это выполнить свои обязательства и сделать публичным оценку угроз… Я думаю, что это чрезвычайно важная роль разведывательного сообщества, которое должно быть независимым и всегда говорить властям правду»[7].

Как представляется, на деле американское разведсообщество, действительно находившееся при администрации Д. Трампа в сложной с политической точки зрения ситуации, само старалось максимально абстрагироваться от непредсказуемой предвыборной

[1] Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – January29, 2019. – https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf

[2] Trump chastises intel chiefs after they contradict him on Iran and claims of foreign policy success. CNN Politics // CNN.com. – January 30, 2019. – https://edition.cnn.com/2019/01/30/politics/trump-intel-chiefs-foreign-policy-iran-isis-north-korea/index.html

[3] DNI Coats Opening Statement от the 2019 Worldwide Threat Assessment of the U.S. Iintelligence Community. – https://www.dni.gov/index.php/newsroom/congressional-testimonies/item/1949-dni-coats-opening-statement-on-the-2019-worldwide-threat-assessment-of-the-us-intelligence-community

[4] The Trump Administration Is Stalling an Intel Report That Warns the U.S. Isn't Ready for a Global Pandemic // Time. – March 9, 2020. – https://time.com/5799765/intelligence-report-pandemicdangers/

[5] Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Wikipedia. – https://en.wikipedia.org/wiki/Worldwide_Threat_Assessment_of_the_US_Intelligence_Community

[6] Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – January 29, 2019. – P. 21. https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/ 019-ATA-SFR---SSCI.pdf

[7] Цит. по: Public Report on Worldwide Threats Is More Than 7 Months Overdue // NBC. – September 22, 2020. – https://www.nbcwashington.com/investigations/usually-public-report-on-worldwide-threats-is-more-than-7-months-overdue/2425256/

борьбы, дабы не стать заложником ее последствий как в случае сохранения поста Д. Трампом, так и в случае прихода ему на смену Дж. Байдена. Скорее всего именно этим объясняются попытки и.о. директора национальной разведки до назначения Рэтклиффа вице-адмирала Дж. Макгуайра (кадровый военный, офицер спецназа, длительное время возглавлявший Национальный контртеррористический центр США) убедить профильный комитет Сената отказаться от публичных слушаний по оценке угроз в 2020 г.[1] При этом аппарат нацразведки, несмотря на отсутствие открытой публикации доклада, продолжал в течение 2020 г. информировать членов Конгресса США о «выявляемых угрозах» со стороны России, Китая и Ирана[2].

Итак, изучение различий между докладами разведсообщества США об угрозах за 2019 и 2021 гг. в теории должно было бы показать существенные изменения в подходах американских спецслужб в расстановке приоритетов при обеспечении национальной безопасности, поскольку, если принять на веру информационный фон, сопутствовавший теме, получается, что разведструктуры США в апреле 2021 г. наконец смогли открыто высказать все то, что якобы не получалось у них в полной мере выразить при администрации Д. Трампа. Достаточно глубокий разбор совпадений и отличий в тезисах указанных документов уже был проведен экспертами американских НПО: заместителем директора программы международной безопасности авторитетного CSIS Э. Хардинг[3] и сотрудницей Белферовского центра в Гарварде А. Срданович[4]. Однако и им, судя по опубликованным работам, не удалось при анализе докладов обнаружить принципиальную новизну в подходах американского разведсообщества к оценке вызовов и угроз. В частности, по мнению Э. Хардинг, главная скрытая идея документа 2021 г. заключается в том, что «война разведок активизируется, и США теперь вынуждены играть в ней от обороны… контрразведка – это новый контртерроризм»[5]. Тезис американского эксперта имеет право на существование, однако явно носит больше лозунговый характер, а с точки зрения организации практической работы спецслужб его ценность представляется весьма умозрительной.

Таким образом, проводить сравнительный анализ двух докладов американского разведсообщества об оценке угроз, по всей видимости, следует с принципиально иной отправной точки – определения элементов преемственности в развитии давно заданных в спецслужбах США императивов, которые не изменяются даже в условиях серьезного внутриполитического кризиса в собственной стране. При таком подходе выявление различий в документах будет способствовать определению целей подобного смещения акцентов.

Первая ключевая идея, которую отмечают все без исключения эксперты, анализировавшие доклады: по мнению американского разведсообщества, уже в настоящее время и в долгосрочной перспективе главное государство – противник США в мире, являющееся ключевым источником большинства выявляемых комплексов угроз (от кибершпионажа и вертикального распространения ОМУ до экономического соперничества и расширения присутствия в третьих регионах), – КНР. Второе такое государство – Россия. Очень важно, что эта приоритизация была зафиксирована как в докладе 2019 г., так и в документе 2021 г. Вместе с тем, как справедливо отметила в своей работе Э. Хардинг, «Китай стоит на первом месте по следующей причине – он представляет величайший вызов США и западноориентированным международным нормам… в то время как Россия активно пытается подорвать демократию и поколебать избирателей, Китай ищет, как продвинуть свои подходы для обретения политических выгод. Первая может рассматриваться как имеющая только деструктивную направленность. В то время как другой ориентирован на проведение собственной линии для оказания влияния на политические решения»[6].

Вместе с тем американские исследователи упустили два ключевых отличия между документами 2019 и 2021 гг., которые подчеркивают выявленную приоритизацию американским разведсообществом источников угроз, а также особый акцент в этом отношении на Китай и Россию. Во-первых, структура доклада 2019 г. была построена от описания так называемых глобальных угроз (от кибербезопасности до здравоохранения), а уже во втором разделе документа, озаглавленном как «Региональные угрозы», были параграфы «Китай и Россия» и «Россия и Евразия». Доклад же 2021 г., напротив, начинается с описания угроз, проистекающих от конкретных государств мира, после чего уже авторы переходят к анализу так называемых транснациональных вопросов, а также конфликтов и нестабильности в отдельных регионах мира.

Во-вторых, безусловно, необходимо обратить внимание на то, что в отличие от упомянутого выше заголовка параграфа документа 2019 г., посвященного нашей стране и КНР, в документе 2021 г. каждому государству отведен собственный параграф. Однако и здесь на первое место поставлен Китай, подраздел о котором озаглавлен как «Китайское стремление к глобальной силе». России посвящен второй параграф, но озаглавлен он ровно так же, как и следующие за ним подразделы про Иран и КНДР, – «Провокативные действия». Фактически тем самым американское разведсообщество, признавая значимость для США сегодняшних действий Москвы (как отмечено в предисловии документа, «Россия противодействует Вашингтону

[1] Intel agencies push to close threats hearing after Trump outburst // Politico. – January 15, 2020. – https://www.politico.com/news/2020/01/15/intel-agencies-threats-hearing-trump-099494

[2] Разведка США предупредила Конгресс о влиянии со стороны России и Китая // РИА Новости. – 9 октября 2020. – https://ria.ru/20201009/vliyanie-1579035670.html

[3] Harding Emily. The Intelligence Community's Annual Threat Assessment // CSIS. – April 19, 2021. – https://www.csis.org/analysis/intelligence-communitys-annual-threat-assessment

[4] Srdanovic Aleksandra. The Annual Worldwide Threat Assessment: 2021 vs 2019. Russia Matters. – April 21, 2021. – https://www.russiamatters.org/blog/annual-worldwide-threat-assessment-2021-vs-2019

[5] Harding E. Ibid.

[6] Harding E. Ibid.

по всему миру, там, где это возможно»[1]), констатирует, что не рассматривает в настоящее время Россию в качестве долгосрочного геополитического противника в глобальном масштабе.

Как представляется, транслируя во внешнюю среду такую приоритизацию государств – источников угроз, американское разведсообщество среди прочего намеренно «подбрасывает» дополнительные аргументы внутрироссийским оппозиционным силам. Однако по существу же изложенных внутри самих разделов вызовов безопасности США опасения Вашингтона в отношении возможностей Москвы за прошедшие два года не только не уменьшились, но и даже стали весомее. В качестве лишь одного из примеров – в отношении возможностей оказания влияния на политические процессы в США в докладе 2019 г. (несмотря на продолжавшиеся в тот период жесточайшие баталии на Капитолийском холме о «русском вмешательстве в выборы») достаточно сдержанно отмечалось: «Москва может задействовать дополнительные инструменты влияния, такие как распространение дезинформации, осуществление операций по взлому и утечкам или манипулирование информацией для оказания более прицельного влияния на американскую политику, действия и выборы»[2]. В докладе же за 2021 г., как отмечает в своем исследовании и А. Срданович, этот же тезис дан в гораздо более жесткой интерпретации: «[Россия] представляет одну из наиболее серьезных разведывательных угроз для США… Москва осуществляла операции влияния в отношении выборов в США в 2016, 2018 и 2020 гг.»[3], а также: «Россия наверняка будет продолжать расширять в мире свое военное, разведывательное, энергетическое, торговое влияние, а также влияние в сфере безопасности»[4]. Это разночтение серьезности угроз, проистекающих из России для США, и при этом намеренное «техническое» принижение ее значимости в структуре документа, наглядно иллюстрирует тот факт, что на деле американские силовые структуры по-прежнему видят в Москве ключевого противника, однако «дают пас» тем силам внутри России, которые в своей критической риторике активно используют тезис о потере ею лидирующих позиций в мире и переход в разряд государств второго эшелона развития, априори не имеющих глобальных амбиций и интересов.

При сравнительном анализе докладов заметна полная смысловая и даже местами практически дословная преемственность в описании вызовов и угроз в сфере информационной безопасности, в области развития науки и технологий, в отношении большинства региональных конфликтов, а также защиты окружающей среды. Основные изменения в текстах докладов при описании глобальной экономической конъюнктуры и мирового здравоохранения по понятным причинам связаны с фактором пандемии COVID-19[5]. При этом необходимо отметить, что вопреки ожиданиям, в докладе не было указания на искусственный характер происхождения коронавируса в китайской лаборатории города Ухань, несмотря на многочисленные вбросы и спекуляции на этот счет американских официальных лиц, в том числе близких к разведсообществу, как до публикации годового отчета, так и после[6].

Вместе с тем некоторые существенные дополнительные акценты появились при описании тематик вызовов в космическом пространстве, а также реализации стратегического сдерживания и противодействия распространению ОМУ. В частности, если в докладе 2019 г. Китай и Россия упоминались в связке и вместе, например: «Китай и Россия готовят и оснащают свои военно-космические силы, разворачивают новое противоспутниковое оружие, чтобы держать под угрозой космические службы США и их союзников, даже продвигая одновременно международные соглашения о демилитаризации космоса[7]». В докладе же 2021 г. в отношении военно-космических возможностей КНР и России даны отдельные дефиниции. При этом заметно сохранение общего тона определения России как ключевой военной угрозы сегодняшнего дня, а Китая – как наиболее опасного противника в обозримой перспективе. Вместе с тем описание возможностей стран авторами докладов в значительной степени конкретизируется: «[Россия] ключевой соперник в космосе, поддерживающий большую сеть спутников разведывательного назначения, навигации и связи… Россия продолжает обучать военно-космические силы и разворачивать новое противоспутниковое оружие для противодействия и снижения возможностей США и их союзников в космосе»; «Пекин стремится достичь или превзойти американские возможности в космосе с целью получения военных, экономических и имиджевых преимуществ перед Вашингтоном, проистекающих из превосходства в космосе… [китайская низкоорбитальная космическая станция] будет введена в эксплуатацию между 2022 и 2024 годами… операции по противодействию в космосе будут интегрированы в потенциальные военные компании НОАК, Китай имеет оружие для осуществления противодействия в космосе, которое может быть направлено на спутники США и их союзников»[8].

Та же тенденция заметна и в отношении описания тематики контроля над стратегическими вооружениями: Россия – главный противник сегодня, Китай –

[1] Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – April 9, 2021. – https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ ATA-2021-Unclassified-Report.pdf

[2] Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – January 29, 2019. – https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf

[3] Цит. по: Srdanovic A. Ibid.

[4] Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – April 9, 2021. – https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2021-Unclassified-Report.pdf

[5] Srdanovic A. Ibid.

[6] См. например: В США заявили о доказательствах лабораторного происхождения COVID-19 // РИА Новости. – May 20, 2021. – https://ria.ru/20210520/koronavirus-1733162632.html; Псаки отказалась ответить прямо на вопрос об источнике коронавируса // REGNUM. 21.05.2021. https://regnum.ru/news/polit/3275725.html

[7] Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – January 29, 2019. – https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf

[8] Цит. по: Srdanovic A. Ibid.

главный противник завтра. Если в докладе 2019 г. в отношении стратегических сил КНР отмечалось, что «Китай продолжит расширять и диверсифицировать возможности, связанные с ОМУ, стремясь быть уверенным в выживаемости китайских сил стратегического сдерживания для проведения ответного удара и преодоления ПРО», то в докладе 2021 г. уже подчеркивается, что КНР «продолжит наиболее быстрое в истории наращивание и диверсификацию своего ядерного арсенала»[1]. При этом в обоих последних докладах американского разведсообщества в отношении российских сил стратегического сдерживания констатировалось: «Россия останется крупнейшим и обладающим наибольшим арсеналом ОМУ противником США на обозримую перспективу, поскольку она наращивает и модернизирует свои возможности в стратегических и не стратегических вооружениях»[2]. Вместе с тем в докладе 2021 г. было сделано небольшое добавление, которое может иметь весьма существенное значение: «Россия по-прежнему вызывает озабоченность с точки зрения обеспечения физической защиты ядерных материалов, несмотря на улучшения в части обеспечения безопасности российских ядерных объектов, которые произошли с 1990-х годов»[3].

Как представляется, данный посыл должен, с одной стороны, обострить критическую дискуссию в традиционно активных экспертных кругах в области нераспространения и разоружения в отношении уровня обеспечения физической ядерной безопасности в России, которая в последние годы постепенно сошла на нет по мере прекращения реализации таких программ, как «Вторая линия защиты», Глобальное партнерство, программа Нанна-Лугара, Международный научно-технический центр (МНТЦ) и другие. Все они с момента запуска в начале 1990-х годов, помимо прочего, предоставляли весьма существенные возможности для американского разведсообщества с точки зрения получения легального доступа к российским режимным объектам и их персоналу. С другой стороны, сама тема сотрудничества в области ядерной безопасности и защиты ядерных материалов как элемент укрепления глобального режима нераспространения всегда была одной из ключевых «стартовых» площадок для последующего развития российско-американского диалога по широкому кругу вопросов контроля над вооружениями и стратегической стабильности. Особенно это было актуально для последних демократических администраций Белого дома – и при президенте Клинтоне, и при президенте Обаме (инициаторе общемировых Саммитов по ядерной безопасности на высшем уровне). Соответственно нельзя исключать, что подобное упоминание вскользь и ненароком о «позитивном» опыте взаимодействия в 1990-е годы является также зондажным с точки зрения формирования базы для возобновления проработки хотя бы на «полуторном треке» новых инициатив такого рода и в перспективе – нового втягивания Москвы в стратегический диалог о контроле над вооружениями.

Таким образом, вполне обоснованным представляется вывод о том, что, несмотря на американскую внутриполитическую конъюнктуру, наиболее кризисный за последние десятилетия межпартийный переход власти, а также обостренное до исторического максимума недоверие американского общества к собственным госорганам и политикам, преемственность в работе силовых структур и следовании курсу на достижение «абсолютной безопасности» посредством противодействия России и Китаю сохраняется. Деятельность их кадровых сотрудников, аналитиков и экспертов продолжается в обычном режиме, несмотря на разыгрываемые демократами и республиканцами, прежде всего, для избирателей и отчасти мировой общественности политические баталии, имеющие некий «шпионский флер». Вместе с тем тенденция использования Вашингтоном «открытых заявлений» спецслужб или заранее срежиссированных «утечек» для достижения необходимого информационного эффекта вполне в соответствии с заветами Й. Геббельса, по всей видимости, в обозримой перспективе будет лишь усиливаться. Пример тому – сообщение в апреле с. г. авторитетного издания Politico о якобы имевшем место в 2020 году коллективном письме девяти из 11 глав командований США с требованием к разведсообществу рассекречивать больше сведений о «пагубном поведении» Москвы и Пекина, что, по мнению американских генералов, является необходимым условием для победы в ведущейся информационной войне с Россией и КНР[4]. В этом контексте, как представляется, лучшая тактика, которой нам следует придерживаться, – игнорирование американских попыток подобного зондажа российских переговорных позиций по широкому спектру вопросов безопасности и противодействие попыткам внутрироссийских радикальных внесистемных сил спекулировать на этих темах со ссылками на открыто публикуемые американскими спецслужбами «оценки».

[1] Цит. по: Srdanovic A. Ibid.
[2] Ibid.
[3] Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. – April 9, 2021. – https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2021-Unclassified-Report.pdf

[4] Politico: американские генералы попросили разведку рассекретить данные о России и Китае // ТАСС. – April 27, 2021. – https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11250327

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК В САХЕЛЕ: ОТ ВСТРЕЧИ В ПО ДО ВСТРЕЧИ В НДЖАМЕНЕ

Александр Сидоров,
научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

«Граждане ЕС должны понять, что европейская безопасность начинается не на берегах Средиземного моря, а в 4700 километрах ниже»[1]
Ж. Боррель, верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности

Аннотация. В статье продолжено исследование развития ситуации в Сахаро-сахельском регионе и попытки Франции и других внешних участников урегулировать этот комплексный, многоаспектный конфликт. Как и ранее, особое внимание уделяется военному, военно-техническому измерению взаимодействия Франции с европейскими и региональными партнерами по борьбе с террористическими и джихадистскими группировками.

Ключевые слова: безопасность; терроризм; джихадизм; Франция; «Сахельская пятерка».
Keywords: security; terrorism; jihadism; France; G5 Sahel.

Проблематика безопасности и идеология действий Франции и региональных участников конфликта в Сахеле до 2020 г. ранее уже рассматривались автором[2]. Ситуация с безопасностью в регионе стремительно меняется; за последние год-полтора произошел ряд событий, которые нуждаются в дополнительном осмыслении и анализе. Из ключевых событий выделим саммит «Сахельской пятерки» (*G5S*) с участием Франции в г. По (январь 2020 г.); военный переворот в Мали (август 2020 г.) и его продолжение (май 2021 г.); саммит *G5S* с участием Франции в столице Чада Нджамене (февраль 2021 г.); неожиданная гибель самого ценного военного союзника Франции в Сахаро-сахельском регионе – президента Чада Х. Хабре (апрель 2021 г.). Ситуация осложняется и тем, что кроме борьбы с террористами и антиправительственными группировками между соседними странами, одна из которых входит в *G5S*, случаются военные инциденты с жертвами, как это было в мае 2021 г. между Чадом и соседней ЦАР[3].

Сохраняет актуальность положения с недостатком собственных ресурсов, что «все более сказывается на осуществлении Францией антитеррористических военных операций в ее бывших колониях в Африке»[4], прежде всего, в странах *G5S*. Как подчеркивают аналитики из мультидисциплинарной группы по вопросам обороны и безопасности «Марс» (*Mars*), «реальность такова, что Франция не может действовать в одиночку, без помощи своих союзников»[5]. Стремясь решить поставленные задачи, Франция *вынуждена* обращаться за помощью к африканским и европейским союзникам. Одной из форм такой помощи – военно-технической и военно-политической – стало текущее развертывание европейской многонациональной группы сил специальных операций (ССО) «Такуба» (*Takuba* – туарегский традиционный меч).

Предыстория создания этой группы связана с предложенной Францией в июне 2018 г. европейской инициативой вмешательства (ЕИВ). В настоящее время ЕИВ объединяет ограниченное число (13) европейских государств[6], способных осуществлять силовое вмешательство в интересах европейской безопас-

[1] Josep Borrell: «Au Sahel, nous avons peut-être signé trop de chèques en blanc» // Le Monde. 28 avril 2021. Mode of access: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/04/28/josep-borrell-au-sahel-nous-avons-peut-etre-signe-trop-de-cheques-en-blanc_6078353_3212.html

[2] См.: Сидоров А.С. Военно-политическая активность Франции в Сахаро-сахельском регионе // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4 (8). С. 88–98; Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 4. С. 116–137; Внешние операции Франции в Сахеле: пределы адаптации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. ИНИОН РАН, 2019. Выпуск 53(69). С. 18–23; Африканская архитектура безопасности и конфликт в Сахеле // Россия и современный мир. 2020. № 3(108). С. 175–190.

[3] Le Tchad accuse l'armée centrafricaine d'avoir tué six de ses soldats, dont cinq auraient été «exécutés» // Le Monde. 31 mai 2021. Mode of access: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/05/31/le-tchad-accuse-l-armee-centrafricaine-d-avoir-tue-six-de-ses-soldats-dont-cinq-executes_6082187_3212.html

[4] Чернега В.Н. ЕС и инициатива Э. Макрона относительно «европейской армии» // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. ИНИОН РАН, 2019. Выпуск 52(68). С. 11.

[5] Pourquoi la France ne doit pas se retirer du Mali // La Tribune. 15 février 2021. Mode of access: https://www.latribune.fr/opinions/pourquoi-la-france-ne-doit-pas-se-retirer-du-mali-877683.html

[6] Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Финляндия, Франция, Швеция, Эстония.

ности[1]. Учитывая, что политика и деятельность НАТО направлены в основном на территориальную оборону Европы (страны – участницы блока являются одновременно и ведущими странами Евросоюза), ЕИВ и Европейские силы вмешательства ориентированы преимущественно *вовне*, в частности, в африканский регион, на борьбу с терроризмом в Сахеле, что важно для Франции. Это одна из причин, почему ЕИВ все же приобретает поддержку европейских участников, поскольку они осознают, что на континенте противостоять мифической российской угрозе (случись такая ситуация) реально способны лишь США и НАТО.

Отметим значимость операций в рамках ЕИВ – «Агенор» (*Agenor*), «Такуба» и др. – проводимых вне рамок ЕС, вне рамок НАТО. Эти операции являются проверкой дееспособности европейских подразделений не в полигонных условиях, не на учениях, а в реальной боевой обстановке. Подобные операции предполагают высокую степень политической сплоченности, ответственности и управления войсками. Тем самым закладывается реальная ступень европейской обороны – важнейшего аспекта военно-дипломатической активности Франции и ЕС. Указанные усилия начинают, пусть и с задержкой, давать результаты и решают задачу более высокого порядка, чем борьба с терроризмом в Сахаро-сахельском регионе.

С помощью Франции оборудованы высокотехнологичные командные пункты (КП) с защищенными каналами связи в г. Менака и г. Гао (Мали) для группы «Такуба» и военного штаба ЕС, что очень важно и чего ранее не наблюдалось. Франция оснащает эти КП, чтобы показать, какими на деле могут быть операции ОПБО Евросоюза или европейские операции вне его рамок. По нашему мнению, создаваемая инфраструктура управления и командования предполагает долговременное присутствие и участие европейских сил в Сахеле с возможностью подключения других участников.

Встреча в Нджамене в феврале 2021 г., на которой были подведены итоги борьбы с джихадизмом за прошедший после встречи в По (13 января 2020 г.) почти годовой период, стала важным этапом развития сотрудничества между Францией и *G5S*. Перечислим лишь основные достижения партнеров.

В достаточно спокойной обстановке прошли выборы в Буркина-Фасо и Нигере. Правда, в соседней ЦАР наблюдались волнения и обострение вооруженных антиправительственных выступлений против вновь переизбранного руководства ЦАР. За истекший год было уничтожено несколько руководителей Аль-Каиды в Исламском Магрибе (*Al-Qaïda au Maghreb islamique*, *AQMI*), аффилированной с Аль-Каидой Группы поддержки ислама и мусульман (*Groupe de soutien à l'islam et aux musulmans, GSIM*) и запрещенного в России ИГ (*État islamique*). На фоне тактических успехов в борьбе с вооруженными террористическими группировками поставлена задача покончить с терроризмом в стратегически важном регионе Липтако–Гурма – на стыке трех границ между Мали, Нигером и Буркина-Фасо. При проведении боевых операций отмечен очень высокий уровень координации национальных армий стран региона, сил контингента «Бархан» и Совместных сил «Сахельской пятерки» (*FC-G5S*), что было материализовано путем создания с марта 2020 г. Механизма объединенного командования (*Mécanisme de commandement conjoint*, *MCC*)[2].

Участники встречи в Нджамене с удовлетворением отметили реальное развертывание европейских сил ССО «Такуба». С июля 2020 г. развернуты две группы ССО – франко-эстонская и франко-чешская; в феврале 2021 г. прибыл шведский (150 человек) и ожидается итальянский спецназ (200 человек)[3]. Ценность этих контингентов, самых многочисленных из европейских союзников (по данным на июнь 2021 г.), состоит в том, что они прибыли со своими транспортно-логистическими подразделениями поддержки.

Важнейшим положительным моментом, несмотря на гибель президента Чада Х. Хабре, выступает развертывание в центре Мали батальона чадских военнослужащих численностью 1200 человек при активном партнерстве с военным контингентом «Бархана». Боевые возможности этого подразделения, а значит, и в целом *FC-G5S*, значительно усиливаются наличием подготовленной группы из пяти передовых авианаводчиков (*Guideurs aériens tactiques avancés, GATA*), которые при тесной координации с французским авиакрылом на авиабазе Ниамей (Нигер) обеспечивают в случае необходимости прикрытие военнослужащих на поле боя[4].

Знаковым моментом стало восстановление, оснащение и окончательный ввод в строй в июне 2020 г. регионального командного центра *FC-G5S* (*Poste de commandement interarmées de théâtre, PCIAT*), уничтоженного в ходе террористической атаки в 2018 г. Именно в этом центре будут приниматься решения оперативного уровня по борьбе с вооруженными террористическими группировками на территории всего Сахаро-сахельского региона, вырабатываться планы будущих наступательных операций и осуществляться их сопровождение. Французские военные советники отмечают высокий уровень оперативной

[1] Rapport fait au nom de la Commission des affaires étrangères sur le projet de loi adopté par le Sénat, autorisant l'approbation de l'accord entre le Gouvernement de la République française et le Gouvernement du Royaume de Belgique relatif à la coopération dans le domaine de la mobilité terrestre. (2019). – 22 mai. – No. 1972. P. 8–9.

[2] BARKHANE: Le Mécanisme de Commandement Conjoint, pierre angulaire de la coordination entre la force conjointe du G5 Sahel et la force Barkhane. 04 juin 2020. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/actualites/operations/barkhane-le-mecanisme-de-commandement-conjoint-pierre-angulaire-de-la-coordination-entre-la-force-conjointe-du-g5-sahel-et-la-force-barkhane

[3] Benoit D. Les soldats suédois rejoignent la force européenne Takuba au Mali // France24. 05 février 2021. Mode of access: https://www.france24.com/fr/afrique/20210205-les-soldats-su%C3%A9dois-rejoignent-la-force-europ%C3%A9enne-takuba-au-mali

Ciocchetti T. Parte la missione delle forze speciali italiane nel Sahel // Difesa. 07 février 2021. Mode of access: https://www.difesaonline.it/mondo-militare/parte-la-missione-delle-forze-speciali-italiane-nel-sahel

[4] BARKHANE: Coordination tactique aérienne franco-tchadienne. 16 avril 2021. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/operations/afrique/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane/breves/barkhane-coordination-tactique-aerienne-franco-tchadienne

подготовки персонала *G5S* этого центра и с оптимизмом оценивают динамику и перспективы управления контингентами *FC-G5S* на ТВД[1]. Открытие этого центра позволит решить задачу прямого оперативного подчинения командованию *FC-G5S* всех национальных контингентов Совместных сил «Сахельской пятерки», усиления их совокупного силового потенциала, объединения усилий в деле координации возможностей авиации, логистики и разведки.

Отрицательным моментом выступает до сих пор отсутствие решения проблемы финансирования *FC-G5S* и придания этим силам международного статуса и приведение их мандата в соответствие с главой VII Устава ООН. Этот изъян не позволяет обеспечить долгосрочный и устойчивый характер деятельности *FC-G5S*. В связи с этим участники встречи в Нджамене с удовлетворением отметили финансовую поддержку со стороны Евросоюза в объеме 284,5 млн евро, запланированную на период 2017–2023 г[2].

Завершая анализ повестки дня саммита в Нджамене, отметим, что несмотря на широкий охват проблематики, связанной с ситуацией в Сахеле, повышение значения гражданского измерения, укрепление роли государства, признание необходимости более широкого привлечения местных неправительственных акторов к процессу стабилизации положения в Мали, тем не менее больше половины пунктов итогового коммюнике саммита посвящено военным вопросам. Это свидетельствует о том, что участники, в том числе под влиянием Франции, до сих пор продолжают рассматривать силовой вариант урегулирования конфликта как преобладающий.

Стратегия Франции по борьбе с терроризмом в Сахеле остается неизменной, несмотря на меняющиеся условия, и вызывает все больше вопросов. Сохраняется прежняя целевая установка: добиться того, чтобы местные участники могли самостоятельно противостоять действиям вооруженных террористических группировок. Отсюда в рамках глобального подхода вытекает направление на подготовку местных ВС и их сопровождение в бою. Правда, сейчас, в изменившихся в худшую сторону условиях, возникает вопрос об актуальности (не упущено ли время) именно такой постановки задачи. Несмотря на все усилия и декларируемые успехи в борьбе с терроризмом, результаты этой борьбы остаются по меньшей мере спорными, особенно для местного населения. Для него важно не число убитых террористов, а восстановление гражданской власти, общественной безопасности и контроля; обеспечение функционирования основных государственных служб.

Такое положение постоянно подпитывает запрос на переговоры, поиски альтернатив чисто силовому решению вопросов. Это было особенно характерно для прошлого руководства Мали, которое с февраля 2020 г. впервые открыто взяло курс на переговоры с лидерами джихадистских формирований, аффилированных с Аль-Каидой. Идея переговоров с лидерами джихадистов, запущенная в 2016 г. и от которой малийские власти тогда отказались под давлением Франции, вновь стала темой для обсуждения[3]. Курс на «инклюзивный национальный диалог» был заявлен бывшим президентом Мали И.Б. Кейта в интервью Международному французскому радио (*Radio France internationale, RFI*). «В Мали мы предприняли попытку наладить всеобъемлющий национальный диалог… Почему бы не попробовать связаться с теми, кто, как мы знаем, заправляет ситуацией в Мали?»[4].

Новое руководство Мали, пришедшее к власти в результате военного переворота в августе 2020 г., перешло по этому вопросу от слов к делу. В результате переговоров с джихадистами были освобождены сотни боевиков, многие из которых были ранее захвачены французским контингентом «Бархана», а также выплачен крупный выкуп в обмен на трех европейских заложников. Некоторые из отпущенных боевиков были затем задержаны на территориях сопредельных с Мали государств, в частности, Алжира, что вызвало критику Мали и Франции со стороны алжирских властей. Иначе говоря, ситуация стала развиваться не в том направлении, на которое изначально рассчитывало руководство Франции[5].

Для Франции, которая несет основную тяжесть борьбы с вооруженными группировками (их возглавляют И. Аг-Гали и А. Куфа, предполагаемые кандидаты для переговоров, включенные к тому же в санкционные списки ООН), это очень болезненная тема, своего рода «красная линия». Такая тема лежит в основе серьезных разногласий в диалоге Франции с властями Мали. «С террористами не ведут переговоров. С ними борются», – заявляет президент Франции[6]. Примечательно, что перед саммитом в Нджамене Э. Макрон поодиночке вел переговоры с лидерами *G5S*, чтобы убедить их поддержать позицию Франции по непримиримости борьбы с террористами и недопустимости переговоров с ними.

Правда, некоторые военные в связи со сложившейся ситуацией отмечают, что глобальный подход Франции и ЕС оторван от местных реалий и не работает. Схожую точку зрения высказал Э. Дюпюи, президент Института перспектив и безопасности Европы (*Institut Prospective*

[1] BARKHANE: Des officiers français renforcent le poste de commandement de la Force Conjointe du G5 Sahel. 17 juillet 2020. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/actualites/operations/barkhane-des-officiers-francais-renforcent-le-poste-de-commandement-de-la-force-conjointe-du-g5-sahel

[2] См. п. 11 Communiqué final du Sommet de N'Djamena. 16 février 2021. Mode of access: https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/02/16/communique-final-du-sommet-de-ndjamena

[3] Bensimon C. Au Mali, Ibrahim Boubacar Keïta assume un dialogue avec les djihadistes // Le Monde. 12 février 2020. Mode of access: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/02/12/sahel-le-president-malien-assume-un-dialogue-avec-les-djihadistes_6029246_3212.html

[4] Le président malien IBK annonce un dialogue avec des chefs jihadistes. 10 février 2020. Mode of access: https://www.rfi.fr/fr/afrique/20200210-ibrahim-boubacar-keita-rfi-ibk-jihadistes

[5] Poncet G. Barkhane: la France égarée dans le Sahel // Le Point. 07 novembre 2020. Mode of access: https://www.lepoint.fr/monde/barkhane-la-france-egaree-dans-le-sahel-07-11-2020-2399860_24.php

[6] Exclusif – Emmanuel Macron: «Entre la France et l'Afrique, ce doit être une histoire d'amour» // Jeune Afrique. 20 novembre 2020. Mode of access: https://www.jeuneafrique.com/1076943/politique/exclusif-emmanuel-macron-entre-la-france-et-lafrique-ce-doit-etre-une-histoire-damour/

et Sécurité en Europe, IPSE), заявивший, что «основные международные игроки, включая Францию, кажется, бессильны уяснить текущую внутриполитическую и социальную динамику, которая не ограничивается единственной мобилизацией против терроризма»[1].

Проблема определения главного противника в Сахеле носит ситуационный и стратегический характер. В конце 2019 г. произошел ожидаемый конфликт между двумя конкурирующими группировками – Аль-Каидой и ИГ – со многими жертвами с обеих сторон, что делает их примирение маловероятным. Из этого конфликта ИГ вышло серьезно ослабленным. Казалось бы, это должно сыграть на руку силам, ведущим борьбу с терроризмом. На деле все сложнее – особенно для гражданского населения. В районах, которые покидает ИГ, в центре и на севере Мали (в результате междоусобной войны и ударов сил «Бархана») увеличивается присутствие Аль-Каиды. После ударов по последней активизируются силы ИГ. В военном плане эта ситуация напоминает сообщающиеся сосуды и создает дополнительные сложности для Франции. В результате, несмотря на все усилия и победы, государство не возвращается в отдаленные районы (к тому же коррумпированная центральная власть в этом не очень заинтересована), а место государства занимает аффилированная с Аль-Каидой Группа поддержки ислама и мусульман (*GSIM)*, бороться с которой сложней, чем с ИГ.

Это можно объяснить, с одной стороны, значительным имплантированием *GSIM* в местные структуры реальной власти, с другой – ее неформальным пока статусом возможного участника переговорного процесса по нормализации положения в Мали. Последнее обстоятельство создает весьма деликатную ситуацию для Франции, чем-то напоминающую историю с движением Талибан в Афганистане. Когда речь заходит о развитии, забывают, что ключевая проблема – это борьба с коррупцией, как подчеркивает известный специалист по анализу джихадизма В. Наср[2]. Именно немыслимая коррупция обусловливает слабость государства и его структур управления, включая армию.

По мнению К. Русси, исследователя из Института международных и стратегических отношений (*Institut des relations internationales et stratégiques, IRIS*), несмотря на ряд успехов (уничтожение руководителя *AQMI* А. Друкделя и его ближайших соратников), группы, аффилированные с Аль-Каидой в рамках *GSIM*, не находятся в упадке. С такими группами трудно бороться, настолько они переплетены многочисленными, в том числе родственными, связями с местным населением. Плюс идет постоянный приток молодежи, которая не видит для себя перспектив в условиях коррупции и процветающего неравенства. Как подчеркнула К. Русси, ситуация не улучшится, пока Франция продолжает рассматривать Сахель как свою «вотчину» (*antichambre*) и продвигает свою программу развития Сахеля, прилагая все усилия, чтобы подключить к этому европейцев и международных и региональных акторов[3].

Франция осудила военный переворот в августе 2020 г. в Мали и последовавшее через 9 месяцев в мае 2021 г. отстранение от власти гражданского правительства. «Я не буду поддерживать страну, которая больше не обладает демократической легитимностью», – сказал по этому поводу президент Франции в эксклюзивном интервью Ф. Клемансо, главному редактору еженедельника *Le Journal du dimanche*. Более того, Э. Макрон пригрозил приостановкой антитеррористической операции «Бархан» и выводом французских войск, если страна станет двигаться в направлении «радикального исламизма»[4]. Такие «искушения джихадизмом» являются предметом озабоченности президента Франции уже три года, и за это время ситуация изменилась. У Франции нет больше безоговорочной поддержки со стороны малийских властей, которая наблюдалась в 2013 г. в ходе операции «Сервал», когда руководство Мали обратилось к Франции с просьбой о вмешательстве и спасении от джихадистов. Наоборот, до военного переворота в августе 2020 г. бывшее руководство Мали активизировало диалог с фигурами, неприемлемыми (по крайней мере сейчас. – *Прим. авт.*) для Франции.

В. Южё, французский специалист по Африке, в своей книге «Тираны Африки» объяснял подобную позицию своей страны так: «Франция воздерживается от поддержки дискредитированных режимов потому, что опасается оттолкнуть от себя будущие элиты и активное крыло гражданского общества»[5]. Такие опасения связаны с риском потерять опору в лице этих сил в тяжелой борьбе против терроризма, которая представляет для Франции приоритет.

Франция асимметрично воюет с терроризмом в Сахеле уже на протяжении восьми лет, и 2019–2020 гг. стали в Сахеле самыми кровавыми с 2013 г. Ползучая «джихадизация» привела к постепенному распространению радикального исламизма за пределы границ Мали и Сахаро-сахельского региона в направлении побережья Гвинейского залива, что становится предметом беспокойства более благополучных стран, таких как Бенин, Кот д'Ивуар, Сенегал, Того.

Сложность для Франции состоит и в том, что новые малийские партнеры, которых на протяжении ряда лет обучали европейские, в том числе французские, инструкторы, утратили доверие французских военных в деле борьбы с джихадистами. Они декларируют свою повестку дня, допуская ради стабилизации обстановки

[1] Crise politique au Mali: «La tentative de marginalisation des principaux acteurs politiques a entraîné leur réaction» // Analyse, Afrique. 25 mai 2021. Mode of access: https://www.aa.com.tr/fr/afrique/crise-politique-au-mali-la-tentative-de-marginalisation-des-principaux-acteurs-politiques-a-entra%C3%AEn%C3%A9-leur-r%C3%A9action-/2253832#

[2] Цит. по: Les djihadistes ne sont pas des mecs en claquettes, ils réfléchissent (Wassim Nasr). Mode of access: https://club.bruxelles2.eu/2021/01/les-djihadistes-ne-sont-pas-des-mecs-en-claquettes-ils-reflechissent-wassim-nasr/

[3] Цит. по: Kounda G. Insécurité au Sahel: négocier avec les «terroristes» ou lutter contre eux? 21 février 2021. Mode of access: https://www.rtbf.be/info/monde/detail_insecurite-au-sahel-les-maliens-etaient-prets-a-negocier-avec-les-terroristes-pas-question-pour-emmanuel-macron?id=10702414

[4] Immigration, terrorisme, colonisation... Les confidences de Macron en Afrique // Le Journal du Dimanche. 30 mai 2021. P. 4.

[5] Hugeux V. Tyrans d'Afrique. P.: Perrin, 2021. P. 31–32.

в Мали переговоры с джихадистскими лидерами. Кроме того (и это распространенное психологическое явление), армия чужой страны, длительное время находящаяся на национальной территории, объективно начинает восприниматься как оккупационная сила. Этот фактор активно используется джихадистской пропагандой и находит поддержку среди достаточно широких слоев населения.

Две боевые операции – «Бурраск» (Bourrasque – «Шквал», октябрь 2020 г.) и «Эклипс» (Eclipse – «Затмение», январь 2021 г.) – широкомасштабные и продолжительные (на протяжении месяца) – были проведены силами «Бархан» и их партнерами по *G5S* в преддверии встречи в Нджамене.

Первая операция, проводимая в русле январской 2020 г. встречи в г. По, была нацелена в основном против сил ИГ и его инфраструктуры в районе Липтако–Гурма. Этот район в силу его труднодоступности и удаленности от крупных центров исторически служит убежищем и логистической базой для разного рода террористических группировок. Вторая операция, проводившаяся в том же районе спустя два месяца после завершения первой, имела задачу нанести максимальные людские и материальные потери Группе поддержки ислама и мусульман, аффилированной с Аль-Каидой.

Для обеих операций помимо их широкомасштабности (были задействованы 3000 и 3400 человек соответственно) характерны недостижимая ранее степень интеграции сил союзников. Командование и управление войсками велось с передового КП, обеспечившего эффективную координацию совместных межвидовых операций в зоне протяженностью 500 км по фронту и 200 км в глубину (в случае операции «Бурраск»)[1]. Проведенные мероприятия позволили значительно и на длительный период снизить боевой потенциал ИГ и сократить зоны его присутствия.

Операция «Эклипс», проводимая в зоне 400 км по фронту и 200 км в глубину, обеспечивала большую плотность воздействия на противника и также использовала оправдавшую себя концепцию боевого управления путем создания передового межвидового командного пункта, что и обеспечило успех обеих операций[2].

В этом же ряду – действия французской тактической группы «Алтор» (*Altor*). Группа в составе 225 военнослужащих 2-го парашютно-десантного полка Иностранного легиона (2 *REP*) провела глубокий (в зоне 150 на 200 км) автономный двухмесячный (с 23 января по 23 марта 2020 г.) рейд, передвигаясь ночами, пешком, используя тактику скрытых многодневных засад[3]. Группа «Алтор» получила карт-бланш от командующего операцией «Бархан», решая задачи не только нейтрализации террористических группировок (оттесняя их со стороны Нигера к границе с Мали, что стало для боевиков полной неожиданностью), но и задачу поднятия морального духа ВС Мали и Нигера, деморализованных большими потерями в конце 2019 г. Однако, если обратить внимание на общую численность сил, участвующих в этих операциях, можно увидеть, насколько она несопоставима с задачей длительного и эффективного контроля территории. В операции «Бурраск» речь шла о зоне в 100 тыс. квадратных километров, в операции «Эклипс» – о 80 тыс. По этому поводу один из французских офицеров сказал: «Это как проводить операцию в Нормандии, имея несколько тысяч человек, в то время как американцы в 1944 г. высадили 150 тысяч»[4].

В самом деле, численность военнослужащих, единовременно принимавших участие в операциях со стороны Франции, практически никогда не превышает 1500–2000 человек, что говорит о пределах развертывания боевых частей сил «Бархан» (без существенного ослабления их присутствия в других стратегически важных пунктах) с учетом их *общей* численности в 5100 человек (включая части обеспечения, не принимающие непосредственное участие в боевых операциях). Пик максимальной концентрации французского участия в 1700 человек пришелся на операцию «Монклар» (*Monclar*), проводимую в том же районе с 3 по 23 марта 2020 г.[5]

Положительным фактором, по мнению руководства «Бархана», является повышение удельного веса участия местных сил в операциях. В случае с «Эклипс» их доля превысила 50% (1500 французов и 1900 военнослужащих Мали, Нигера и Буркина-Фасо)[6]. Это происходит планомерно и в русле развивающегося процесса «сахелизации» боевых действий путем всего большего привлечения к операциям смешанных подразделений.

Однако череда успешных операций не может исключить трудно прогнозируемые случаи спорадического терроризма (например, нападения в Буркина-Фасо в начале июня 2021 г., когда было убито 138 гражданских лиц[7]. В этом смысле полностью сохраняют свою актуальность слова отставного французского генерала и военного теоретика В. Депорта о

---

[1] BARKHANE: Opération BOURRASQUE, une opération d'ampleur dans le Liptako. 09.11.2020. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/operations/actualites2/barkhane-operation-bourrasque-une-operation-d-ampleur-dans-le-liptako

[2] Point de situation des opérations du 28 janvier au 4 février. 05.02.2021. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/actualites/operations/point-de-situation-des-operations-du-28-janvier-au-4-fevrier

[3] Barotte N., Berthemet T. De Pau à Nouakchott, le sursaut de l'opération «Barkhane» face aux djihadistes // Le Figaro. 28 juin 2020. Mode of access: https://www.lefigaro.fr/international/de-pau-a-nouakchott-le-sursaut-de-l-operation-barkhane-face-aux-djihadistes-20200628

[4] Maillard M. Mali: avec les soldats français de l'opération «Eclipse» qui pourchassent les djihadistes liés à Al-Qaida // Le Monde. 04 février 2021. Mode of access: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/02/04/au-c-ur-de-l-operation-eclipse-au-mali_6068769_3212.html

[5] См. подробнее: BARKHANE: L'opération Monclar – concentration inédite des efforts en zone des trois frontières. 16.06.2020. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/operations/afrique/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane/breves/barkhane-l-operation-monclar-concentration-inedite-des-efforts-en-zone-des-trois-frontieres

[6] Point de situation des opérations du 28 janvier au 4 février. 05.02.2021. Ibidem.

[7] Burkina Faso: au moins 138 civils tués dans l'attaque la plus meurtrière depuis 2015 // La Croix. 06.06.2021. Mode of access: https://www.la-croix.com/Monde/Burkina-Faso-centaine-civils-tues-dune-attaque-nord-pays-2021-06-05-1201159514

необходимости надежно контролировать территорию для достижения политического результата[1].

Говорить о надежном контроле таких огромных пространств и протяженных путей сообщения, оперируя количеством в сотни или тысячи военных, не приходится. Как было отмечено выше, Франция подошла к пику мобилизации своих возможностей в Мали, не говоря о Сахаро-сахельском регионе в целом. Мы не берем и в расчет финансовую составляющую операции «Бархан», которая также подошла к пределу. Франция ведет в Сахеле войну с терроризмом, в которой не может стать победителем, используя прежние подходы и задействуя прежний потенциал.

Как показала практика, техническое превосходство и тактические преимущества обеспечивают лишь кратковременный эффект. Сможет ли в этих условиях подключение европейцев к участию в сопровождении на ТВД местных сил, даже при достижении группой «Такуба» полной оперативной готовности, как-то серьезно изменить ситуацию к лучшему – вопрос риторический. Участие сил «Бархана» и усилия европейских союзников[2] могут по крайней мере усилить позицию нового руководства Мали в неизбежных, по нашему мнению, переговорах с джихадистами.

* * *

Ситуация в Мали, самом главном и слабом звене Сахаро-сахельского региона, «поставлена на паузу» и входит в переговорную стадию – поиска компромисса Франции с новыми малийскими властями с целью выйти из образовавшегося стратегического тупика, реализовать стратегию достойного, без потери лица, выхода с сахельского ТВД. Последние события происходят в тот момент, когда на геополитическом горизонте уже заметны другие крупные и влиятельные игроки – Россия, Турция, Китай, которые реально способны создать конкуренцию Франции в военно-политической и экономической областях. Выход этих игроков на авансцену в Сахаро-сахельском регионе весьма вероятен в кратко- или среднесрочной перспективе, но этот сюжет заслуживает отдельного исследования.

---

[1] См. подробнее: Desportes V. Préparer la guerre. Concours d'administrateur-adjoint 2016–2017 // Le Débat, Editions Gallimard, 2016, mai-août. No. 190. P. 44–52.

[2] Согласно информации, приведенной командующим спецгруппой «Такуба», с начала июля 2020 г. силами этой группы было проведено 25 успешных операций боевого сопровождения малийских ВС на ТВД, отработаны формы взаимодействия с вновь созданными малийскими подразделениями разведки и вмешательства. Части группы «Такуба» уже принимают непосредственное участие в противостоянии вооруженным террористическим группировкам. – BARKHANE : Entretien avec le commandant de la Task force TAKUBA. 04.05.2021. Mode of access: https://www.defense.gouv.fr/operations/afrique/bande-sahelo-saharienne/operation-barkhane/breves/barkhane-entretien-avec-le-commandant-de-la-task-force-takuba

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:
Академик В.Г. Барановский
Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин
Д-р полит. наук Д.В. Ефременко
Д-р полит. наук А.И. Никитин
Канд. ист. наук А.В. Загорский
Главный редактор – канд. ист. наук Т.Г. Пархалина
Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:
http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 75 (на конец 2020)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77–2172